

Констанс Вахтмайстер

Е.П. БЛАВАТСКАЯ

И

«ТАЙНАЯ
ДОКТРИНА»

Перевод К. Гилевич и Е. Ляховой

ГЛАВЫ

I II III IV V VI VII VIII IX X

ГЛАВА I

Описывая работу Е.П. Блаватской над «Тайной доктриной», пока обстоятельства всё еще свежи в моей памяти, а записки и письма до сих пор в моем распоряжении, я не буду избегать до некоторой степени подробного рассказа о наших личных отношениях с моим дорогим другом и учителем и о сопутствующих обстоятельствах, которые, хотя и не были напрямую связаны с написанием книги, внесут, я уверена, свой вклад в глубокое понимание автора и ее труда.

В личности, привычках и окружении Е.П.Б. для меня нет ничего мелкого, ничего незначительного, и я хочу рассказать читателю, по возможности во всей доступной мне полноте, о трудностях и препятствиях, которые ей пришлось преодолеть во время работы над книгой. Слабое здоровье, полная странствий жизнь, неблагоприятное окружение, недостаток материалов, отступничество вероломных друзей, нападки врагов — всё это были препятствия, задерживающие ее работу; но содействие рук, всегда готовых помочь, любовь и забота преданных приверженцев и, превыше всего, поддержка и руководство ее любимых и почитаемых Учителей позволили завершить этот труд.

В 1884 году, получив возможность посетить Лондон, я впервые познакомилась с Еленой Петровной Блаватской в доме г-на и г-жи Синнетт. Я хорошо помню чувство приятного волнения, сохранившееся от того памятного визита. Предварительно я прочла «Разоблаченную Изиду», удивляясь и восхищаясь огромным изобилием доселе неизвестных знаний, содержащихся в этом замечательном труде, и поэтому я была подготовлена относиться с граничащим с благоговением чувством к тому, кто не только основал Общество, обещавшее создать ядро всемирного Братства Человечества, но и кто был провозглашен посланником людей, продвинувшихся далеко вперед по сравнению с обычным человечеством в ментальных и духовных достижениях, — тех, кого с достоверностью можно было назвать пионерами нашего человечества.

Хозяйка дома оказала мне сердечный прием, и меня сразу же представили госпоже Блаватской. Ее черты были исполнены силы и выражали природное благородство характера, что более чем оправдало все

мои ожидания; но сильнее всего мое внимание приковал непреклонный, внимательный взгляд ее удивительных серых глаз, пронизывающих и в то же время спокойных и непостижимых: они сияли ясным светом, который, казалось, глубоко проникали и открывали тайны сердца.

Однако, когда я стала рассматривать тех, кто ее окружал, я испытала резкую перемену чувств, которая на время оставила в моем сознании неловкое впечатление. Увиденная мною сцена была весьма странной. На полу у ножек оттоманки, на которой сидела госпожа Блаватская, собралось несколько посетителей, которые пристально смотрели вверх на нее с выражением почтения и восхищения, другие внимали каждому ее слову с нарочитым видом сосредоточенного внимания, и все, казалось, находилось в той или иной степени под воздействием господствующей атмосферы лести.

Как только я села в стороне и стала смотреть на происходящее, я позволила подозрениям, которые, как я потом узнала, были совершенно беспочвенными и ничем не вызванными, овладеть мной. Я вся трепетала из-за боязни обнаружить, что личность, которая вызывала во мне такие возвышенные надежды, могла оказаться рабом лести, стремящейся к низкопоклонству своих последователей. Тогда я не могла знать, что женщина, сидевшая передо мной, обладала равнодушием и безразличием к похвале и упрекам равно, как и высоким чувством долга, которые не могли поколебать никакие эгоистические соображения. Тогда еще я не знала, что ее натура была неспособна утратить силы и великую миссию ради приобретения дешевой популярности.

Хотя она была слишком горда, чтобы оправдывать себя перед теми, кто был неспособен оценить величественную норму поведения, которой она сама следовала и всегда придерживалась в своих этических и мистических трудах, она время от времени раскрывала свои внутренние способности тем немногочисленным серьезным ученикам, которые были связаны обетом следовать по пути, указанному ею. Я вспоминаю объяснение, которое она дала именно по этому вопросу, когда толпа насмешников в прессе или в гостиных спрашивали друг друга: «Как может так быть, что ученик почти всеведущих махатм, этот природный ясновидец и натренированный читатель людских умов, не может даже отличить своих друзей от своих врагов?»

— Кто я такая, — сказала она, отвечая одним вопросом на другой, — кто я такая, чтобы лишиться возможностей того, в ком я вижу искру, всё еще мерцающую слабым проблеском распознавания Причины, которой я служу, искру, из которой еще можно было бы раздуть пламя преданности? Какое

значение имеют последствия, которые падут на меня лично, когда тот человек потерпит неудачу, уступая силам зла в нем самом — обману, неблагодарности, мести и тому подобному — силам, которые я видела в нем так же ясно, как я видела искру надежды: хотя бы он в своей неудаче и представил бы меня в ложном свете, покрыл бы меня позором и презрением? Какое право имею я отказать кому бы то ни было в возможностях извлечь пользу из истин, которые я могу ему преподать и которые помогли бы ему вступить на Путь? Я говорю вам, что у меня нет выбора. Я связана обетом по самым строгим правилам и законам оккультизма об отречении от эгоистичных суждений, и как я могу сметь предполагать наличие недостатков у кандидата и действовать в соответствии с моими предположениями, даже если его туманная, отталкивающая аура вызывает во мне опасения?

ГЛАВА II

Здесь я, вероятно, могу упомянуть те обстоятельства, которые привели меня к встрече с госпожой Блаватской, которую я описала. В течение двух лет, с 1879 по 1881 год, я изучала спиритизм. В результате, хотя я и была вынуждена признать наблюдаемые факты, я была совершенно не в состоянии согласиться с распространенным в то время спиритуалистическим толкованием этих фактов.

К концу этого периода я познакомилась с «Разоблаченной Изидой», «Эзотерическим буддизмом» и другими теософскими книгами, и так как теории, выдвинутые в этих книгах, подтверждали и дополняли идеи о природе и причине спиритических феноменов, которые я сформировала самостоятельно, то меня совершенно естественно привлекла теософия. В 1881 году я вступила в ряды Теософического Общества и вошла в состав ложи.

Результаты моего обучения там были по разным причинам неудовлетворительными, и я вернулась к самостоятельному чтению и изысканиям. Таким образом, я была в полном согласии с некоторыми аспектами теософического учения и темами, которые Е.П.Б. тщательно изучала. Внимательное чтение этих книг стало причиной еще большего восхищения госпожой Блаватской, и когда представился случай познакомиться с ней, я воспользовалась им с готовностью.

Вскоре после упомянутой встречи я присутствовала на вечернем приеме у г-на Синнетта, и там я впервые встретила полковника Олкотта. Его беседа, собравшая вокруг него группу заинтересованных слушателей, напрямую касалась «феноменов» и необычных опытов, которые он сам наблюдали в которых он принимал непосредственное участие. Всего этого, однако, было недостаточно, чтобы отвлечь мое внимание от госпожи Блаватской, чья поразительная личность и тайна, окружавшая ее, пленили меня. Однако я не приближалась к ней, а провела в стороне от нее приятный вечер с еще одной новой знакомой, госпожой Гебхард, которой суждено было позже стать мне очень близким другом и которая занимала меня многочисленными рассказами «Старой Леди», как обычно называли Е. П. Б. ее близкие.

Это были единственные случаи во время моего визита в Лондон, когда видела Е.П.Б., и у меня больше не было никаких надежд встретиться с ней снова. Я была занята приготовлениями к своему отъезду, когда однажды вечером к моему огромному удивлению я получила адресованное мне письмо, написанное незнакомым почерком, которое, как оказалось, было от госпожи Блаватской. Письмо содержало приглашение посетить ее в Париже, так как она очень хотела поговорить со мной лично. Меня одолело искушение узнать больше о той, чья личность так глубоко меня интересовала, и кто был основателем общества, к которому я принадлежу, и я решила вернуться в Швецию через Париж.

По приезду в Париж я зашла в квартиру госпожи Блаватской, но мне сказали, что она уехала в Ангьен с визитом к графине д'Адемар. Нисколько не смущаясь, я села на поезд и вскоре стояла перед милой загородной усадьбой д'Адемаров. Здесь меня ожидали новые трудности. Я послала свою визитную карточку с просьбой повидать госпожу Блаватскую, и через некоторое время мне сказали, что леди занята и меня принять не сможет. Я ответила, что вполне могу подождать, и так как я приехала из Англии ввиду желания госпожи Блаватской видеть меня, то я не согласна ехать обратно, не исполнив своей миссии. После этого меня провели в зал, заполненный людьми, графиня д'Адемар вышла мне навстречу, оказала мне теплый прием и провела меня в другой конец комнаты, где сидела госпожа Блаватская. После приветствий и объяснений она сказала мне, что собирается отобедать этим вечером в Париже с герцогиней де Помар, и спросила меня, не составлю ли я ей компанию. Так как герцогиня была моим старым другом и всегда была радушна и любезна со мной, я была уверена, что она не сочтет меня навязчивой, и поэтому легко согласилась. Я приятно провела день, общаясь со многими интересными людьми и слушая оживленный разговор госпожи

Блаватской. По-французски она говорила свободней, чем по-английски, и здесь, даже более чем в Лондоне, она была всегда в центре жаждущих слушателей.

В поезде между Ангьеном и Парижем Е.П.Б. была тихой и отсутствующей. Она призналась, что устала, и мы говорили мало и на наиболее общие темы. В какой-то момент после длинной паузы она сказала мне, что отчетливо слышит музыку из «Вильгельма Телля», и отметила, что это одна из ее самых любимых опер.

Было не время для оперы, и это возбудило мое любопытство. Поинтересовавшись после, я выяснила, что та самая ария из «Вильгельма Телля» действительно исполнялась на концерте на Елисейских Полях именно в то время, когда она говорила, что слышала ее. Действительно ли те звуки достигли ее слуха, когда ее чувства были в состоянии гиперестезии, или же она уловила мелодию из «астрального света», я не знаю, но с тех пор я неоднократно имела возможность убедиться, что она порой могла слышать то, что происходило далеко от нее.

В тот вечер у герцогини де Помар не случилось ничего такого, о чем стоило бы написать, но когда я уезжала в свою гостиницу, госпожа Блаватская просила меня навестить ее снова в Ангьене на следующий день. Так я и поступила и получила сердечное приглашение графини д'Адемар погостить в ее доме, но и в этот день, как и в предыдущий, личного разговора с Е.П.Б. не состоялось. Однако я была рада познакомиться с г-ном Уильямом Джаджем, который в то время исполнял обязанности личного секретаря Е.П.Б., и в часы отдыха мы вели много приятных бесед, прогуливаясь в тени деревьев прекрасного парка.

Госпожа Блаватская затворялась на весь день в своей комнате, и я встречалась с ней только за обедом и вечерами, когда она была окружена тесным кругом знакомых и не было никакой возможности для личной беседы. Теперь у меня нет никаких сомнений, что трудности, которые я испытывала в получении доступа к госпоже Блаватской, и задержки, происходившие до того, как она перешла со мной к сути дела, были преднамеренными и носили печать испытания, но в то время я об этом и не догадывалась.

Наконец, я, с одной стороны, очень захотела вернуться в Швецию, а с

¹ Гиперестезия — повышенная чувствительность к раздражителям, действующим на органы чувств.

другой — не хотела больше злоупотреблять гостеприимством моих хозяев, и поэтому в один из дней я отвела г-на Джаджа в сторону и попросила его сказать «Старой Леди», что я должна буду уехать на следующий день, если у нее нет для меня чего-то действительно важного. Вскоре меня позвали в ее комнату, и затем последовал разговор, которого я никогда не забуду.

Она рассказала мне много вещей, которые, как я полагала, были известны только мне, и завершила разговор, сказав, что не пройдет и двух лет, как я полностью посвящу свою жизнь теософии.

В то время у меня была причина рассматривать это как нечто совершенно невозможное, и, так как любое молчание могло быть истолковано неверно, я чувствовала себя обязанной сказать ей об этом.

Она только улыбнулась и ответила: «Учитель так сказал, и поэтому я знаю, что так и будет».

На следующее утро я попрощалась с ней, а также с семьей д'Адемаров. Г-н Джадж проводил меня до станции, и той ночью в поезде я была вовлечена в водоворот мыслей, спрашивая себя, окажутся ли ее слова правдой, размышляя, насколько я была совершенно непригодна для такой жизни и насколько невозможно было для меня разрушить все встававшие передо мной преграды, закрывавшие для меня путь к цели, на которую она, к моему изумлению, указала.

ГЛАВА III

Осенью 1885 года собиралась уезжать из своего дома в Швеции, чтобы провести зиму с друзьями в Италии, и заодно попутно нанести обещанный визит госпоже Гебхард Эльберфельд, где она проживала.

В то время, когда была занята наведением порядка в моих делах, ввиду моего долгого отсутствия, произошел случай, безусловно, не первый в моей практике, но все же выходящий за рамки обычного. Я разбирала и откладывала статьи, которые я намеревалась взять с собой в Италию, когда услышала голос, говоривший: «Возьми эту книгу, она пригодится тебе в путешествии». Я должна сразу сказать, что у меня были довольно хорошо развиты способности ясновидения и яснослышания. Я обратила свой взор на рукописный том, отложенный среди массы других вещей, которые я собиралась закрыть под замок до моего возвращения. Несомненно, он оказался совершенно неподходящим *vade mecum*² для отпуска, так как это были заметки о «Таро» и фрагменты из Каббалы, составленные для меня моим другом. Однако я решила взять его с собой и положила его на дно одного из моих чемоданов.

Наконец для меня настал день покинуть Швецию в октябре 1885 года, и я прибыла в Эльберфельд, где меня встретила с сердечными и теплыми приветствиями госпожа Гебхард. Теплота и верная дружба этой удивительной женщины были в течение многих лет источником утешения и поддержки для меня, а также для госпожи Блаватской, и мое восхищение и привязанность к ней увеличивались по мере того, как я больше узнавала ее правдивый и благородный характер, постепенно раскрывавшийся передо мной.

Так случилось, что госпожа Блаватская и группа теософов провели восемь недель с госпожой Гебхард осенью 1884 года, и у нее было о чем мне рассказать, так как за это время произошло немало интересного. Таким образом, я снова попала в ту сферу влияния, которая произвела на меня большое впечатление ранее в Ангене, и я чувствовала, что весь мой интерес и энтузиазм по отношению к Е.П.Б. снова оживили.

Однако наступило время продолжить мой путь в Италию. Мои друзья продолжали настаивать, чтобы я присоединилась к ним там, и, наконец, дата моего отъезда была назначена.

² Вадемекум, карманный справочник, путеводитель (лат.).

Когда я сообщила госпоже Гебхард, что должна покинуть ее через несколько дней, она рассказала мне о письме Е.П.Б., в котором она сожалела, что пребывает в одиночестве. Ее тело было больным, а ум подавленным. Ее единственными спутниками были слуга и индийский джентльмен, который сопровождал ее из Бомбея и о ком я скажу позже несколько слов. «Поезжайте к ней, — сказала госпожа Гебхард, — ей необходимо сочувствие, и вы можете ее утешить. Для меня это невозможно, на мне много обязательств, а вы можете поддержать ее, если пожелаете».

Я обдумывала предложение. Конечно, я могла согласиться на эту просьбу, рискуя разочаровать своих друзей в Италии, но их планы не были бы очень расстроены, и я, наконец, решила: если Е.П.Б. пожелает моего присутствия, то я поеду к ней на месяц, перед тем как отправлюсь на юг. Таким образом, как она и предсказывала и в пределах обозначенного ею периода времени, обстоятельства, казалось, притягивали меня обратно к ней.

Госпожа Гебхард была искренне рада, когда узнала о моем решении и увидела письмо, которое я написала «Старой Леди» в Вюрцбург, предлагая, что, если она пожелает меня принять, я бы провела с ней несколько недель, так как госпожа Гебхард сообщила мне, что ей нужны дружеское общение и забота. Письмо было отправлено, и мы с нетерпением ждали ответа. Когда, наконец, однажды за завтраком он лег на стол, его содержание вызвало большое волнение, но предвкушение вскоре обратилось ужасом для госпожи Гебхард и вызвало разочарование у меня, когда мы обнаружили ни более ни менее, как скрытый под печатью вежливый отказ — госпожа Блаватская сожалела, но у нее не было комнаты для меня; кроме того, она была так занята написанием «Тайной доктрины», что не имела времени принимать посетителей, но она выражала надежду, что мы могли бы встретиться, когда я буду возвращаться из Италии. Тон был достаточно вежливый и даже дружелюбный, но смысл, казалось, был передан мне безошибочно — во мне не нуждались.

Пока я читала письмо вслух, лицо госпожи Гебхард вытягивалось. Для нее, очевидно, это было непостижимо. Что касается меня, то после первой естественной досады о том, что мои планы, измененные не без сложностей, оказались расстроены, я с надеждой направила свои взоры на юг.

Мой багаж был вскоре собран, и экипаж уже ждал меня у двери, когда мои руки попала телеграмма следующего содержания: «Приезжайте в Вюрцбург немедленно, необходимы незамедлительно. — Блаватская».

Легко можно представить, что это известие застало меня врасплох, и в полном недоумении обратилась к госпоже Гебхардза объяснением. Но она выглядела искренне обрадованной и сияющей. Явно все ее мысли, всё ее сочувствие были направлены на «Старую Леди».

«О, она действительно нуждается в вас, в конце концов, вы видите, — воскликнула она. — Поезжайте к ней, поезжайте». Сопротивления никакого не было. Я позволила моим тайным желаниям найти оправдание в силе убеждения, и вместо покупки билета в Рим я приобрела билет в Вюрцбург, и вскоре ехала далее, чтобы отрабатывать мою карму.

Был вечер, когда добралась до квартиры госпожи Блаватской, и когда поднималась по ступенькам, мой пульс немного участился, пока я строила предположения о приеме, который меня ожидал. Я ничего не знала о том, что послужило причиной, по которой она изменила свое решение в самый последний момент. У меня оставался широкий простор для воображения, и оно рисовало мне серьезную и внезапную болезнь, ставшую причиной телеграммы, и теперь развеселило меня предчувствием того, что третье изменение намерений привело бы меня в течение 36 часов опять-таки в Рим. Действительность же была в равной степени далека от этих двух крайностей.

Госпожа Блаватская тепло меня встретила, и после первых слов приветствия сказала: «Я должна извиниться перед вами за такое странное поведение. Я скажу вам правду, и она заключается в том, что я не хотела приглашать вас. У меня здесь только одна спальня, и вы, будучи светской женщиной, могли бы не захотеть разделить ее со мной. Вероятно, мой путь — не ваш путь. Я знала, что, если бы вы приехали ко мне, то вынуждены были бы принять многие вещи, которые казались бы вам невыносимым дискомфортом. Вот почему я решила отклонить ваше предложение, и я писала вам, имея в виду именно это; но после того, как мое письмо было отправлено, Учитель говорил со мной и сказал, что я должна вам написать, чтобы вы приехали. Я всегда подчиняюсь слову Учителя, и я сразу же телеграфировала. С тех пор я попыталась сделать спальню более удобной для жилья. Я купила большую ширму, которая разделит комнату, и таким образом у вас будет одна сторона, а у меня другая, и я надеюсь, что вы не будете испытывать слишком большого гостеснения».

Я ответила, что к какому бы окружению я ни привыкла, я бы охотно всё это оставила ради дружеского общения с ней.

Я очень хорошо помню, что, когда мы вместе входили в столовую,

чтобы выпить чаю, она сказала мне внезапно, как о чем-то, что витало в ее мыслях: «Учитель сказал, что у вас для меня есть книга, которая мне очень нужна».

— На самом деле, нет, — ответила я, — у меня нет с собой книг.

— Подумайте еще раз, — сказала она, — Учитель сказал, что вам было сказано в Швеции взять с собой книгу о таро и каббале.

Тогда у меня всплыли в памяти обстоятельства, о которых я говорила выше. С тех пор как я положила эту рукопись на дно моего чемодана, она выпала из круга моего внимания, и я забыла о ней. Теперь, когда я поспешила в спальню, открыла чемодан и запустила руку на дно, я нашла книгу, которая до сего момента лежала в полном порядке в том же углу, в который я ее положила, когда паковала чемодан в Швеции. Но это было еще не всё. Когда я вернулась в столовую с книгой в руках, госпожа Блаватская сделала предостерегающий жест и воскликнула: «Стойте, не открывайте ее пока. Теперь откройте на странице десять и на шестой строчке сверху вы найдете слова...» И она процитировала отрывок.

Я открыла книгу, которая, позвольте напомнить, была не печатным томом, копия которого могла быть у Е. П. Б., а рукописным альбомом, в который, как я уже сказала, моим другом были вписаны заметки и цитаты для моего собственного использования, тем не менее на указанных ею странице и строке я нашла именно те слова, которые она произнесла.

Когда я передала ей книгу, я осмелилась спросить ее, зачем она была ей нужна.

— О, — ответила она, — для «Тайной доктрины». Это моя новая работа, написанием которой я так сейчас занята. Учитель собирает материал для меня. Он знал, что у Вас есть эта книга и сказал вам взять ее с собой, так как она может быть полезна для ссылок.

Никакой работы в тот первый вечер сделано не было, но уже на следующий день я начала понимать, какой была жизнь Е.П.Б. и какой должна, по-видимому, стать моя жизнь, пока я оставалась с ней.

ГЛАВА IV

Описание одного дня поможет представить, каков был установленный порядок ее жизни в то время.

В шесть часов меня будил слуга, который приносил чашку кофе для госпожи Блаватской, и она, подкрепленная этим напитком, вставала, одевалась и в семь часов была уже за столом в кабинете.

Она сказала мне, что это ее неизменная привычка и что завтрак подается в восемь часов. После завтрака она садилась за рабочий стол, и начиналась серьезная дневная работа. В час дня подавался обед, после чего я звонила в маленький колокольчик, чтобы позвать Е.П.Б. Иногда она приходила сразу, но иногда ее дверь оставалась закрытой час за часом, пока наша служанка-швейцарка не приходила ко мне почти со слезами на глазах с вопросом, что делать с обедом для госпожи, который остыл или засох, или пережарился и был уже совершенно испорчен. Наконец Е.П.Б. выходила, утомленная многочасовым изнурительным трудом и голодом; затем готовился новый обед, или я посылала за какой-нибудь питательной едой в гостиницу.

В семь часов она откладывала в сторону свой труд, и после чая мы проводили приятный вечер вместе.

Усевшись удобно в своем большом кресле, Е.П.Б. часто раскладывала пасьянс, который, как она говорила, давал отдых уму. Казалось, что механический процесс раскладывания карт позволял ее мыслям освободиться от давления напряженного труда, испытываемого во время дневной работы. Она никогда не говорила о теософии по вечерам. Ментальное напряжение в течение дня было столь тяжелым, что она нуждалась в отдыхе превыше всего, и поэтому я доставала, сколько могла, журналов и газет и читала из них статьи и отрывки, которые, как я полагала, могли заинтересовать или развлечь ее. В девять часов она направлялась в постель, где окружала себя русскими газетами, читая их до глубокой ночи.

Таким образом, наши дни проходили в одном и том же установленном порядке; некоторое разнообразие, о котором стоит упомянуть, случалось иногда, когда она оставляла открытой дверь между кабинетом и столовой, где была я, и тогда мы время от времени беседовали, или я писала для нее письма, или мы обсуждали содержание тех, что получили.

Посетителей было очень мало. Раз в неделю заходил доктор, чтобы поинтересоваться самочувствием Е.П.Б. и оставался побеседовать более часа. Иногда, но редко, заходил хозяин квартиры, еврей с материалистическим

мышлением, и рассказывал интересные истории о жизни, как он ее видел сквозь свою призму, и мы вместе много смеялись — это было приятным нарушением каждойдневнойоднообразности нашей работы.

В то время узнала немного больше о «Тайной доктрине», о том, что это должен быть более обширный труд, чем «Разоблаченная Изида», что в законченном варианте он будет состоять из четырех томов и что он должен провозгласить миру такую часть эзотерической доктрины, какая возможна на настоящей стадии человеческой эволюции. «Он будет, конечно, очень неполный, — сказала она, — и в нем неизбежно останутся большие пробелы, но это заставит людей задуматься, и как только они будут готовы, будет обнаружено больше. Но, — добавила она после паузы, — это произойдет не ранее следующего столетия, когда человечество начнет осознавать и говорить об этой книге с пониманием».

Вскоре, однако, мне была доверена задача по переписке на белом рукописи Е.П.Б., и тогда, конечно, я получила некоторые представления о содержании «Тайной доктрины».

Я не рассказала еще о пребывании в Вюрцбурге одного индусского джентльмена, который некоторое время был заметной фигурой в нашем маленьком обществе.

Однажды в Адьяре этот индеец, перепачканный грязью, в изорванных одеждах и с жалким выражением на лице, пробрался к госпоже Блаватской. Он распростерся у ее ног и со слезами в голосе и в глазах умолял ее о спасении. После расспросов выяснилось, что в состоянии религиозной экзальтации он удалился в джунгли с целью оставить мирскую жизнь, став «лесным обитателем», и посвятить себя религиозному созерцанию и йогическим практикам. Здесь он присоединился к одному йогу, который согласился принять его в качестве чела, или ученика, и провел некоторое время в изучении сложной и опасной системы «хатха-йоги» — системы, которая опирается почти исключительно на физиологические процессы для развития психических сил. Наконец, охваченный ужасом от своих переживаний и трудностей обучения, которым он вынужден был подвергаться, он бежал от своего гуру. Какие обстоятельства привели его к Е. П. Б. — осталось загадкой, но он добрался до нее, и она утешила его, и успокоила его ум, одела и накормила его, и затем, по его просьбе, начала учить его истинному духовному пути развития, философии раджа-йоги. Взамен он дал клятву пожизненной преданности, и когда она покинула Индию и отправилась в Европу, он убедил ее взять его с собой.

Это был невысокий мужчина, нервного темперамента, с блестящими глазами-бусинками. В течение первых нескольких дней, которые я провела в Вюрцбурге, он постоянно беседовал со мной, переводил истории из своих тамильских книг и рассказывал о всякого рода удивительных приключениях, которые случились с ним, когда он пребывал в лесу со своим учителем хатха-йоги. Но он не остался в Вюрцбурге надолго. Госпожа Гебхард прислала ему сердечное приглашение навестить ее в Эльберфельде, и однажды утром, после шумной сцены прощания с Е.П.Б., во время которой он заявил, что она была для него более, нежели мать, и те дни, что он провел с ней, были самыми счастливыми в его жизни, он ушел, должна сказать с сожалением, навсегда. Слишком скоро его голова и сердце отдались лести, и бедный ничтожный человек предал всё, что должно было быть для него самым святым.

Я хочу лишь вскользь касаться случаев, подобных этому, который, к моему сожалению, был не единственным случаем неблагодарности и дезертирства, но, вероятно, был наиболее болезненным для Е.П.Б. Я упоминаю об этом здесь, чтобы показать пример душевного страдания, которое, вдобавок к физическим болезням и слабости, делало продвижение ее задач медленным и болезненным.

Тихая научная жизнь, которую я пыталась описать, продолжалась еще некоторое время, и работа постепенно продвигалась, пока одним утром на нас не обрушился гром. С утренней почтой, без единого предупреждения, Е.П.Б. получила копию знаменитого Отчета Общества Психических Исследований. Это был жестокий удар, принявший совершенно неожиданную форму. Я никогда не забуду ни тот день, ни взгляд невыразимого и неумолимого отчаяния, который она бросила на меня, когда я вошла в ее гостиную и нашла ее с открытой книгой в руках.

«Это, — воскликнула она, — карма Теософического Общества, и она обрушивается на меня. Я — козел отпущения. Я вынуждена нести все грехи Общества, и теперь, когда меня нарекли величайшей обманщицей века и вдобавок русской шпионкой, кто будет слушать меня или читать "Тайную доктрину"? Как я могу продолжать работу Учителя? Проклятые феномены, которые я производила только лишь с целью угодить своим друзьям и наставить тех, кто был рядом. Как выдержать эту ужасную карму! Как я это переживу? А если я умру, работа Учителя пропадет впустую и Общество будет уничтожено!»

В пылу страсти она поначалу и слышать ничего не хотела, но

ополчилась против меня, говоря: «Почему вы не уходите? Почему вы не оставите меня? Вы — графиня, вы не можете оставаться здесь с погубленной женщиной, презираемой всем миром, на которую везде указывают как на мошенницу и обманщицу. Уходите прежде, чем вас запятнает мой позор».

«Е.П.Б., — сказала я, когда мои глаза встретились с ее твердым взглядом, — вы знаете, что Учитель существует, и что Он — ваш Учитель, и что Теософическое Общество было им основано. Как, в таком случае, может оно погибнуть? И поскольку я знаю это так же хорошо, как и вы, и так как для меня теперь истина находится за пределами возможных сомнений, как можете вы даже на миг предположить, что я могла бросить вас и Дело, которому мы обе дали обет служить? Ведь если бы даже каждый член Теософического Общества оказался предателем этого Дела, вы и я остались бы и ждали бы и работали до наступления лучших времен».

Письма, которые приходили, не содержали ничего, кроме упреков и оскорблений, заявлений об отставке членов Общества, апатии и страха со стороны тех, кто остался. Это было время испытаний; казалось, само существование Теософического Общества было под угрозой, и Е.П.Б. чувствовала, словно всё рассыпалось у нее под ногами.

Ее чуткая природа была ранена очень глубоко; она была слишком потрясена своим негодованием и обидой на незаслуженную несправедливость, чтобы прислушаться поначалу к советам спокойствия и выдержки. Ничего не поможет, ей лишь следует немедленно отправиться в Лондон, чтобы уничтожить своих врагов в огне праведного гнева. Наконец успокоила ее, но только на какое-то время. Каждое письмо только увеличивало ее гнев и отчаяние, и никакой полезный труд не мог быть продолжен в течение долгого времени. В конце концов, она поняла, что нет для нее ни надежды, ни выхода в судебном деле в этой стране в еще большей степени, чем в Индии. Доказательством этому служит отрывок из ее статьи «Протест», которую она написала в добавление к ответу г-на Синнетта на «Отчет» под названием «Феномены "Оккультного мира" и Общество Психических Исследований», из которой процитирую:

«Г-н Ходжсон знает, — писала она, — и Комитет, без сомнения, разделяет его мнение, что ему не грозит судебное дело по обвинению в клевете с моей стороны, так как у меня нет денег, чтобы вести дорогостоящее судебное разбирательство, а также, что мое доказательство подразумевает экспертизу психических тайн, которые не могут быть справедливо рассмотрены в суде; и еще потому, что есть вопросы, на которые я

торжественно поклялась никогда не отвечать, но которые в ходе судебного разбирательства будут неминуемо вынесены этими клеветниками на рассмотрение, в то время как мое молчание и нежелание отвечать на определенные вопросы будут неверно истолкованы, как "неуважение к суду". Такое положение вещей объясняет бесстыдную атаку, направленную на практически беззащитную женщину, и то бездействие перед лицом этой атаки, на которое безжалостно обречена».

В дополнение к моим словам об этом тяжелом времени я могу еще процитировать высказывание г-на Синнетта по этому вопросу, изложенному им в «Случаях из Жизни Госпожи Блаватской»³:

«В течение целых двух недель смятение чувств госпожи Блаватской сделало невозможным никакое дальнейшее продвижение в ее работе. Во всех чрезвычайных ситуациях, что бы ни произошло, ее вулканический темперамент служит ей очень плохую службу в изложении ее дела. Совсем немногие, если таковые вообще были, из писем, заметок, протестов, на которые она растрчивала свои силы в течение этих злосчастных двух недель, были написаны так, что их содержание помогло бы равнодушной и неблагоприятной публике понять истинное положение вещей, и не стоит их здесь упоминать. Я добивался, чтобы она смягчила свою статью-протест до более презентабельного вида, чтобы включить ее в памфлет, который я издал во второй половине января, и чтобы немногие оставшиеся, но наиболее близкие ее друзья смогли правильно воспринять ее огонь и неистовство. Ее слог, когда она пребывает в порыве волнения, заставляет постороннего человека полагать, что она жаждет мести, к тому же она и сама исполнена страсти, того и гляди сурово отомстит своим врагам, если будет такая возможность. И только полдюжины ее ближайших друзей, знающих ее настолько хорошо, насколько это возможно, прекрасно видят сквозь всю эту пену чувств, что если бы действительно ее врагов предали ее власти, ее гнев лопнул бы, как мыльный пузырь».

Чтобы завершить этот эпизод, я, если позволите, процитирую мое письмо, направленное г-ну Синнетту в то время и опубликованное в его книге и в американской газетной прессе, где я подвела итог впечатлениям моего пребывания в Вюрцбурге. Я опушу первый параграф, так как в нем рассматривается только то, о чем я уже писала:

³ A.P. Sinnett. "Incidents in the Life of Madame Blavatsky". — London; George Redway, 1886.

«...Зная об абсурдных слухах, распространяемых против нее (Е.П.Б.), согласно которым ее обвиняли в применении черной магии, обмане и мошенничестве, я была настороже и отправилась к ней в спокойном и невозмутимом состоянии ума, исполненная решимости не признавать ничего оккультного, исходящего от нее, без должных доказательств; я была настроена позитивно, внимательно, а также была точной и правдивой в своих выводах. Здравый смысл не позволил бы мне поверить в ее вину без доказательств, но если бы такое доказательство было предоставлено, мое чувство чести сделало бы невозможным мое дальнейшее членство в Обществе, глава которого совершила обман и мошенничество: поэтому мой ум был направлен на расследование, и мне натерпелось узнать правду»

Я провела теперь несколько месяцев с госпожой Блаватской. Я делила с ней комнату и находилась с ней утром, днем и вечером. У меня был доступ ко всем ее коробкам и комодам, я читала письма, которые она получала, и те, которые она писала, и я открыто и чистосердечно заявляю, что мне стыдно, что я ее когда-либо подозревала, так как я считаю ее честной и правдивой женщиной, преданной до самой смерти своим Учителям и делу, ради которого она пожертвовала положением, судьбой и здоровьем. В моей душе нет никаких сомнений, что она принесла эти жертвы, потому что я видела доказательства, причем некоторые из них заключают в себе документы, подлинность которых находится вне всяких сомнений.

Со светской точки зрения госпожа Блаватская — несчастная женщина, многими оклеветанная, подозреваемая и оскорбленная, но, если смотреть на это с возвышенной точки зрения, она обладает исключительными талантами, и никакие поношения не отнимут у нее привилегию, которой она обладает и которая состоит в познании многих вещей, известных только немногим смертным, и в личном общении с известными восточными адептами.

Что касается обширного знания, которым она обладает и которое простирается далеко за пределы видимой части природы, то можно только глубоко сожалеть, что все ее неприятности и испытания мешают ей передавать миру огромный объем знаний, которым она готова поделиться, если бы ей позволили пребывать в мире и покое.

Даже тот великий труд, которым она сейчас занята, "Тайная доктрина", весьма затруднен преследованиями, оскорбительными письмами и другими мелкими неприятностями, которым она подверглась этой зимой; при этом надо помнить, что Е.П. Блаватская не является полным адептом, и сама она не причисляет себя к таковым, и поэтому, несмотря на всё свое знание, она в

большой степени восприимчива к оскорблениям и подозрениям, как это свойственно любой светской женщине ее положения.

"Тайная доктрина" будет действительно великим и грандиозным трудом. Я имела честь наблюдать его продвижение, читать рукопись, быть свидетелем оккультного способа, с помощью которого она получала информацию.

Я недавно слышала от людей, величающих себя "теософами", выражения, которые удивляли меня и причиняли боль. Некоторые из таких особ говорили, что "если бы было доказано, что махатмы не существуют, то это бы не имело значения, потому что теософия, несмотря на это, была бы истиной и т. д., и т. п.". Такие и подобные утверждения вошли в обращение в Германии, Англии и Америке; но, по моему мнению, они очень заблуждаются, так как, во-первых, если бы не было махатм или адептов — иными словами, людей, которые продвинулись так далеко на пути человеческой эволюции, что смогли соединить свою личность с шестым принципом космоса (космическим Христом) — тогда бы доктрины системы, называемой "теософия", были бы ложными; потому что в ступенях прогресса была бы брешь, которую было бы еще труднее объяснить, нежели "недостающее звено" Дарвина. Если же эти люди говорят только о тех адептах, которые, как сказано, принимали активное участие в создании "Теософического Общества", то они, кажется, забывают, что без этих адептов не было бы этого общества, а также "Разоблаченная Изида" "Эзотерический буддизм", "Свет на Пути", "Теософист" и другие ценные теософские публикации не были бы никогда написаны; и если в будущем мы бы лишили себя влияния махатм, и положились только на самих себя, мы бы вскоре потерялись в лабиринте метафизических домыслов. Пусть наука и умозрительная философия будут вынуждены ограничить себя теориями и получением информации, содержащейся в книгах: теософия же идет дальше и получает знание через непосредственное внутреннее восприятие.

Изучение теософии означает, следовательно, практическое развитие, и, чтобы достичь этого развития, необходим проводник, который знает то, о чём учит, и который должен был уже достичь этого состояния, пройдя процесс духовного возрождения.

После всего того, что было сказано в "Мемуарах" г-на Синнетта об оккультных феноменах, имевших место в присутствии госпожи Блаватской, и о том, как подобные феномены, будучи неотъемлемой частью ее жизни, происходили постоянно, как с ее ведома, так и без такового, мне остается

только добавить, что в течение моего пребывания с ней я неоднократно была свидетельницей таких подлинных феноменов. Здесь, как и в любой другой сфере жизни, главный вопрос заключается в том, чтобы научиться должным образом распознавать и знать всему настоящую цену. Искренне Ваша

Констанс Вахтмайстер, член Т.О.»

ГЛАВА V

Не стоит и удивляться, что во время этих бурных дней в работе над «Тайной доктриной» произошел застой, и даже потом, когда работа была возобновлена, необходимые отстраненность и покой были едва ли достижимы.

Е.П.Б. сказала мне однажды вечером: «Вы не можете себе представить, что значит чувствовать множество враждебных мыслей и потоков, направленных против вас; это похоже на уколы тысячи иголок, и мне приходится постоянно воздвигать защитную стену вокруг себя». Я спросила ее, знала ли она, от кого приходили эти недружелюбные мысли, и она ответила: «Да, к сожалению, знаю, и я всегда пытаюсь закрыть глаза, чтобы не видеть и не знать»; и чтобы доказать мне, что это действительно так, она рассказала мне о письмах, которые уже были написаны, цитируя отрывки из них. Через день или два мы получили их, и я смогла убедиться в правильности процитированных из них отрывков.

Однажды, войдя в кабинет к Е.П.Б., я увидела, что весь пол усыпан исписанными листами рукописи. Я спросила о причине такого беспорядка, и она ответила: «Не удивляйтесь, я двенадцать раз пыталась написать одну страницу правильно, и каждый раз Учитель говорил, что это неверно. Я думаю, что сойду с ума, переписывая ее так много раз; но оставьте меня одну; я не остановлюсь пока не покорю ее, даже если мне придется потратить всю ночь».

Я принесла чашку кофе, чтобы взбодрить и поддержать ее, и затем оставила ее продолжать свое утомительное задание. Через час я услышала ее голос, звавший меня, и, войдя, я обнаружила, что отрывок, наконец, был завершен, но стоило это невероятного труда; в то время результаты были часто малы и неопределенны.

Когда она откинулась на спинку, наслаждаясь сигаретой и отдыхом

после напряженного труда, я облокотилась на ручку ее огромного кресла и спросила ее, как случилось, что она могла делать ошибки в тех записях, что ей давали. Она ответила: «Видите ли, то, что я делаю, выглядит следующим образом. Я создаю перед собой в воздухе нечто, что я могу обозначить только как вид вакуума, и фиксирую свой взгляд и свою волю на нем, и вскоре сцена за сценой проходят передо мной, как последовательные картины диорамы, или, если мне нужна ссылка или информация из какой-нибудь книги, я пристально сосредоточиваю свой ум, и появляется астральный двойник этой книги, я беру из него то, что мне нужно. Чем более мой ум свободен от рассеянности и обид, чем большей силой и сосредоточенностью он обладает, тем легче я могу сделать это; но сегодня, из-за неприятностей, перенесенных мной после получения письма от Х., я не могла как следует сконцентрироваться, и каждая моя попытка процитировать отрывки оканчивалась неудачей. Учитель говорит, что теперь всё правильно, так что давайте пойдём пить чай».

Я уже отметила, что в то время у нас было совсем немного посетителей. В этот вечер, однако, я удивилась, услышав незнакомый голос в коридоре, и вскоре доложили о немецком профессоре, чье имя нет необходимости упоминать.

Он извинился за свое вторжение; по его словам, он проделал огромный путь, чтобы увидеть госпожу Блаватскую и выразить ей свою симпатию. Ему были известны необъективность и враждебность Отчета О.П.И., и теперь он просил, не окажет ли госпожа ему любезность, исключительно в интересах психической науки, показать некоторые «феномены», которые она так легко делала?

В тот момент «Старая Леди» была очень уставшей, и, вероятно, она мало доверяла учтивым заверениям посетителя; как бы там ни было, она была не склонна удовлетворять его просьбу, но, тем не менее, уступая его настойчивым мольбам, она согласилась произвести пару пустяковых опытов с психоэлектрическими силами — стуками — самыми простыми, легкими и наиболее известными из «феноменов».

Она попросила его отодвинуть на некоторое расстояние стол, который стоял рядом с ней, чтобы он мог свободно обойти его и осмотреть со всех сторон. «Теперь, — сказала она, — я постучу для вас по этому столу столько раз, сколько вы пожелаете». Он попросил сначала три раза, затем пять раз, затем семь раз и так далее, и, когда Е. П. Б. поднимала свой палец, по направлению к столу, были слышны резкие, отчетливые стуки в соответствии

с выраженным им пожеланием.

Казалось, профессор был восхищен. Он запрыгал вокруг стола с поразительной ловкостью, заглядывая под стол и исследуя его со всех сторон, и когда Е. П. Б. была уже слишком утомлена, чтобы удовлетворять его любопытство в этом направлении, он сел и стал докучать ей своими вопросами, на каждый из которых она ответила с присущей ей живостью и обаянием.

Наконец наш посетитель уехал — оставшись не убежденным, как мы узнали потом. Он был учеником Хаксли и предпочитал принимать любое объяснение, каким бы нелепым оно ни было, только в том случае, если оно не противоречило его собственным теориям.

Бедная Е. П. Б.! Ее больные и опухшие ноги, едва переносившие ее с кресла на диван, мало подходили для гимнастики, на которую их обрек профессор.

Скудность походной библиотеки Е.П.Б. была обстоятельством, которое более, чем какое-либо другое, привлекало мое внимание и вызывало изумление, когда я стала помогать госпоже Блаватской в качестве переписчика, и, таким образом, получила некое представление о ее работе над «Тайной доктриной». Ее рукописи были до краев переполнены ссылками, цитатами, указаниями на массу редких и малоизвестных работ самого разного рода. Однажды ей нужно было проверить отрывок из книги, которую можно было найти только в Ватикане, в другой раз нужен был документ, который хранился исключительно в Британском музее. Тем не менее была необходима только проверка цитат. Конечно, она не могла извлечь нужной для своей рукописи информации, каким бы образом она ее ни получала, из тех нескольких обычных книг, которые она возила с собой.

Вскоре после моего приезда в Вюрцбург она спросила меня, не знаю ли я кого-нибудь, кто мог бы выполнить ее поручение в Бодлианской библиотеке. Так случилось, что у меня действительно было кого попросить, и, таким образом, мой друг проверил отрывок, который Е.П.Б. видела в астральном свете. Оказалось, что название книги, глава, страницы и цифры были приведены в точности.

Такие видения часто представляли картинку оригинала в перевернутом виде, как будто показанную через увеличительное стекло, и если слова после небольшой тренировки можно было легко читать, а общий смысл и контекст

⁴ Бодлианская библиотека (Bodleian Library) — библиотека Оксфордского университета.

предохраняли от грубых ошибок, то избежать ошибок в цифрах было намного сложнее, а в данном случае именно правильность цифр была под вопросом.

Однажды мне было поручено весьма трудное задание, а именно, проверить отрывок, взятый из рукописи в Ватикане. Познакомившись с одним господином, у которого в Ватикане был родственник, мне с некоторыми сложностями удалось проверить этот отрывок. Два слова были написаны неправильно, но всё остальное было верно, и, что удивительно, мне сказали, что те два слова были запачканы, и их было сложно разобрать.

Это только два случая среди множества других. И если только Е.П.Б. хотела получить точную информацию по теме, преобладавшей на тот момент в ее труде, она получала ее так или иначе: из переписки с другом, который находился где-то далеко, или из газеты или журнала, или же во время чтения какой-нибудь книги; и это происходило с частотой и соответствием, далеко выходящими за рамки простого совпадения. Она, однако, предпочитала использовать, насколько возможно, обычные, а не сверхъестественные средства, чтобы не истощать свои силы без необходимости.

Я была не единственной, наблюдавшей за неожиданной помощью, приходившей к Е.П.Б. во время ее работы, и за точностью цитат, которые она получала; и здесь я привожу заметку, посланную мне мисс Кислингбери, которая ярко характеризует это обстоятельство:

«После выхода известного теперь Отчета Психического Общества, который, как я чувствовала, заключал в себе вопиющую несправедливость, я приняла твердое решение повидать госпожу Блаватскую, в то время проживавшую, как мне сказали, в Вюрцбурге. Я обнаружила, что она тихо живет в старом чудном немецком городе с графиней Вахтмайстер, которая находилась у нее всю зиму. Она была больна, страдала от осложнений после болезни и находилась под постоянным наблюдением врача. Она была измождена ментально из-за предательства друзей и мелких нападков врагов вследствие выхода вышеупомянутого Отчета. И все же, вопреки всем этим трудностям, Е.П.Б. занималась колоссальным трудом — она писала "Тайную доктрину". В чужом городе, жители которого говорили на незнакомом ей языке, имея только те книги, которые она привезла с собой из Индии, вдали от друзей, которые могли бы помочь найти необходимые ссылки или сделать полезные сноски, она усиленно трудилась с раннего утра и до шести часов вечера, редко отлучаясь от своего стола, разве что для приема пищи. Но когда Е.П.Б. сидела в своей комнате, погруженная в работу, у нее были

невидимые помощники. Так как я не была в то время членом Т.О., хотя и знала Е. П. Б. почти с момента его основания, мне и в моем присутствии мало что говорилось об используемых методах. В один из дней, однако, она принесла мне листок бумаги с цитатой, которая была ей дана как высказывание некоего католического писателя о связи между наукой и религией, и попросила меня проверить, кто ее автор, и в какой работе эта цитата встречается. Судя по характеру текста, мне показалось, что она взята из "Лекции о науке и религии" кардинала Уайзмана, и я написала письмо своему другу в Лондон. В результате проверка была сделана, глава и страницы — найдены, и теперь она находится в "Тайной Доктрине", т. 2, стр. 704».

ГЛАВА VI

Другим часто повторяющимся инцидентом, привлечшим мое внимание, был еще один способ, которым Е. П. Б. получала руководство и помощь в своей работе. Часто ранним утром я видела листок бумаги с незнакомыми знаками на нем, нанесенными красными чернилами. На вопрос о значении этих таинственных записок, она ответила, что они указывали на работу, которую необходимо выполнить в течение дня.

Это были примеры «осажденных» сообщений, являвшихся предметом горячих споров даже в рядах Т.О. и бесконечных невежественных насмешек за его пределами — «красные и синие записки-призраки, как Х. по праву называет их», — так говорила Е. П. Б. в своем письме, написанном примерно в то время и опубликованном позже в журнале «Путь». В этом же письме она далее продолжала:

«Была ли это подделка? Конечно, нет. Было ли это написано и создано элементами? Никогда. Оно было ими доставлено, так как физические феномены совершаются с использованием элементов, но какое отношение имеют они, эти бессознательные существа, к разумной составляющей даже самого короткого и ерундового из этих сообщений?»

Вероятно, не стоит удивляться, что эти сообщения воспринимались с подозрением, учитывая нынешнее состояние невежества по отношению к возможностям психических феноменов. Лучшее, что можно ожидать от обычных мужчины или женщины, — это отказ от поспешного суждения, который бы сопровождался желанием изучить и разобраться в этих явлениях. Но если мы захотим узнать об отношении самой Е.П.Б. к существованию

таких сообщений, мы получим неопровержимые доказательства ее честных намерений. К ней они приходили непосредственно, и она всегда воспринимала предписания, содержащиеся в них, с покорностью и смирением, даже если она предпочла бы поступить иначе.

Как часто в то время я горевала над грудой рукописей, тщательно подготовленных и переписанных, и после одного слова, одного намека Учителей, преданных огню — это изобилие информации и комментариев, которые для нас теперь, когда мы потеряли Учителя, были бы бесценными.

По правде говоря, в то время я очень мало понимала содержание того, что переписывала, и не осознавала ценность доктрин так, как я понимаю их теперь. С тех пор я часто думала, что наиболее подходила именно для этой работы, так как в «Тайной доктрине» даны только фрагменты и намеки, а Е.П.Б. записывала в первое время многое из того, что нежелательно было обнародовать кому бы то ни было, даже такому честному, хотя и неопытному, человеку, как я. И в самом деле, нет никаких сомнений, что многие действительно эзотерические доктрины пришлось изъять из первоначального текста, и, как я уже говорила, многие ее рукописи и мои копии были уничтожены. К тому же в то время я никогда не получала удовлетворительных ответов на мои вопросы, так что в конце концов я научилась хранить молчание и редко или почти никогда не задавала вопросов.

Тем, кто вступает в Теософическое Общество сейчас, очень сложно понять положение вещей, бытовавших в то время, о котором я пишу. Тогда для изучающих теософию не были доступны такие возможности для обучения или продвижения вперед, которые теперь щедро проливаются на кандидатов в члены Общества и претендентов на обучение. Тогда не было никаких лекций и было очень мало книг. Е.П.Б. сама, в силу характера и природного склада ума, не подходила для задачи последовательного и терпеливого изложения учения. Передомной лежит ее письмо с неуказанной датой, написанное приблизительно в то время из Эльберфельда, куда она поехала после Вюрцбурга. Письмо передает яркую картину ее отчаяния из-за ноши, возложенной на нее. Я привожу дословно выдержки из ее переписки, потому что ей была свойственна характерная только ей одной изысканность фразеологии, хотя хорошо известно, что ее английский был всё еще далек от совершенства:

«Если Вы "огорчены", — писала мне она, — то я совершенно неспособна понять, чего от меня ждут. Я никогда не обещала строить из себя гуру, наставника или профессора для Y. или для кого-нибудь еще.

Учитель сказал ему поехать в Эльберфельд, и Учитель сказал мне, что он должен приехать, и мне следует ответить на его вопросы. Я сделала это и большего сделать не в силах. Я читала ему Т.Д. и поняла, что не могу продолжать, так как он прерывает меня на каждой строчке, и не только своими вопросами, а, в большинстве случаев, рассуждениями в качестве ответа на свой же вопрос, которые длятся по двадцать минут. Что касается У., он ответит Вам сам, так как я заставила его написать Вам. Я говорила Вам неоднократно, что никогда никого не обучала иначе, чем своим особым способом. Олкотт и Джадж изучили всё, что они знают, посредством общения со мной. Если бы на меня наложили наказание проводить регулярное обучение, как это делают преподаватели в течение часа ежедневно, не говоря уже о двух часах, я бы скорее сбежала на Северный полюс или сразу умерла бы, окончательно порвав мои связи с теософией. Я неспособна к этому, это хорошо знает каждый, кто со мной знаком. До сего дня я не могла разобраться, что У. интересуется — оккультизм, метафизика или принципы теософии в целом? Если последние, то я нахожу, что он к этому абсолютно непригоден! Мы составили обет (который М.Г. пошлет Вам), и У. настоял, чтобы мы включили в список подписавших этот тайный обет его жену, и теперь, когда мы его подписали, выяснилось, что он не имеет ни малейшего представления о том, как прилагать свою силу воли и что его жена считает это греховным (!) Так какой в этом толк? Что касается метафизики, он может изучать ее у М. Я сказала ему, что М. ничего не знает о наших оккультных доктринах и не может обучить его им, но он может объяснить ему "Бхагавад-гиту" лучше меня... Это все, что я могу сказать. Я больна и расстроена более, чем когда-либо. Поток Т.Д. остановлен, и потребуется два месяца, прежде чем я смогу восстановить состояние, в котором я пребывала в Вюрцбурге. Чтобы писать ее, я должна быть в полном покое, а если меня будут беспокоить "обучениями", тогда я должна оставить Т.Д. Пусть люди обдумают и выберут, что полезнее — следует ли писать Т.Д. или обучать У.».

Привилегированное лицо в те ранние годы могло, в лучшем случае, удостоиться переписки с более старым членом. Трудности были велики, и только решительная воля могла одолеть все препятствия, а также, как кто-то, вероятно, добавит, и кармическое наследие в виде природной одаренности, которая могла при помощи врожденной энергии восполнить недостаток благоприятных возможностей, рассыпанных теперь так щедро.

Тогда, даже в самые оптимистические моменты, мы и не мечтали о большом обществе с отделениями в Америке, Индии и Европе, с

многочисленными филиалами и центрами деятельности почти в каждой значимой стране мира. Казалось, что всё, о чем мы могли тогда мечтать, была горстка преданных учащихся — группа искренних учеников, — чтобы поддержать живую искру оккультных учений до последней четверти двадцатого столетия, когда с приходом нового малого цикла можно было надеяться на новый доступ к духовному свету.

Но и эти несколько лет прошли, и, хотя они лишили нас физического присутствия нашего Учителя, мы выучили урок; мы были вынуждены понять, как мы просчитались с оценкой духовных сил, стоящих за движением. И с каждым днем становится всё яснее, что теософия, по меньшей мере в своих общих чертах, не является исключительной привилегией нескольких избранных, но есть открытый дар всему человечеству и что в своем воздействии на течение современной мысли она должна сохраниться как мощный фактор против пессимистического материализма нашего века.

ГЛАВА VII

Живя в таком тесном и приятельском общении с Е.П.Б., в каком я была в то время, мне, естественно, пришлось быть свидетельницей множества феноменов, происходивших в ее окружении.

Было одно явление, продолжавшееся регулярно на протяжении долгого времени, которое произвело на меня большое впечатление и убедило меня в том, что она находилась под наблюдением и заботой невидимой стражи. С первой ночи, которую я провела в ее комнате, и до последней ночи, предшествующей нашему отъезду из Вюрцбурга, я слышала серию стуков, раздававшихся с размеренной периодичностью по ее прикроватному столику. Они начинались каждый вечер в десять часов и продолжались до шести утра с интервалом в десять минут. Это были точные и ясные стуки, которых я никогда не слышала в какое-либо другое время. Иногда брала свои часы и наблюдала в течение часа, и всегда по истечении десяти минут с неизменной регулярностью раздавался стук. Спала ли при этом Е.П.Б. или нет, не имело значения ни для феномена, ни для его единообразного характера.

Когда я попросила объяснить происхождение этих стуков, мне было сказано, что это своего рода психический телеграф, который устанавливает ее общение с Учителями, и что чела, возможно, наблюдают за ее телом, когда астрал покинул его.

В этой связи я могла бы упомянуть другой случай, который доказывает, что в ее окружении находились в действии те силы, чья природа и механизм были необъяснимы с точки зрения повсеместно принятых теорий строения тела и законов материи.

Как я уже отмечала, Е.П.Б. имела привычку читать русские газеты перед сном, и редко когда она гасила свою лампу раньше полуночи. Между этой лампой и моей кроватью находилась ширма, но, тем не менее, свет от лампы падал на стены и потолок, часто мешая моему отдыху. В одну из ночей эта лампа горела и после того, как часы пробили час. Я не могла заснуть, и так как я услышала равномерное дыхание Е. П. Б. и поняла, что она спит, я поднялась, тихонько прошла к лампе и потушила ее. Спальню всегда освещал тусклый свет, который исходил из кабинета, где была ночная лампа, а дверь между кабинетом и спальней всегда держали открытой. Погасив лампу, я пошла обратно, когда вдруг она зажглась снова, и комната стала ярко освещена. Я подумала: «Что за странная лампа?» — полагая, что пружина не работает, поэтому я снова нажала рукой пружину и пронаблюдала, пока последняя искра пламени не погаснет, и даже после

этого удерживала пружину еще в течение одной минуты. Затем я ее отпустила и понаблюдала еще какое-то время, когда, к моему удивлению, пламя появилось снова и лампа загорелась так же ярко, как и обычно. Это сильно озадачило меня, и я решила, что буду стоять и тушить эту лампу хоть всю ночь, пока не обнаружу причину и цель ее чудачеств. В третий раз я нажала пружину и потушила лампу, пока она совсем не погасла, и затем отпустила пружину, наблюдая с нетерпением, что будет дальше. В третий раз лампа зажглась, и на этот раз я увидела, как смуглая рука медленно и аккуратно поворачивала ручку лампы. Так как я была знакома с действием астральных сил и астральных существ на физическом плане, я без труда пришла к выводу, что это была рука чела, и, подозревая, что была какая-то причина, почему лампа должна оставаться включенной, я вернулась к своей кровати. Но дух упрямства и любопытства пребывал во мне той ночью. Я захотела узнать больше, поэтому я позвала: «Госпожа Блаватская!» Потом громче: «Госпожа Блаватская!» и снова: «Госпожа Блаватская!» Как вдруг я услышала крик в ответ: «О, мое сердце! Мое сердце! Графиня, вы чуть не убили меня»; и потом снова: «Мое сердце! Мое сердце!» Я в одно мгновение оказалась у постели Е. П. Б. «Я была с Учителем, — прошептала она, — зачем вы позвали меня обратно?» Я была очень встревожена, так как ее сердце неистово билось под моей рукой.

Я дала ей дозу дигиталиса и сидела рядом с ней, пока симптомы не прошли, и она не стала спокойней. Тогда она рассказала мне, как однажды полковник Олькотт чуть не убил ее таким же способом, когда позвал ее обратно в то время, как ее астральная форма находилась вне тела. Она заставила меня пообещать, что я больше никогда не буду пытаться экспериментировать с ней, и я с готовностью дала слово, искренне раскаяваясь и сожалея, что я причинила ей такие страдания.

Но почему, спросят, продолжала она испытывать страдания, имея в своем распоряжении силы, способные облегчить эти страдания? Почему, в то время как она каждый день часами работала над выполнением такой важной задачи — задачи, которая требовала спокойного состояния ума и здорового тела, почему она никогда не пошевелила и пальцем, чтобы изменить свои условия и избавиться от немощи и боли, которые повергли бы ниц обычного человека?

Это естественный вопрос, который не раз приходил на ум и мне, так как я хорошо знала и о целительных силах, которыми она обладала, и о ее способности снимать боль у других. Когда ей задавали этот вопрос, ответ был неизменно один и тот же.

«В оккультизме, — говорила она, — должен быть дан самый священный обет — никогда не использовать никаких приобретенных или дарованных сил для своей собственной выгоды, потому что такие действия приведут на крутую и скользкую дорожку, которая оканчивается в пропасти черной магии. Я дала этот обет, и я не из тех, кто нарушает обещание, священность которого выходит за рамки понимания профана. И я скорее перенесу любые муки, чем изменю моему обещанию. Что же касается обеспечения лучших условий для выполнения моей задачи — это не в наших правилах, чтобы цель оправдывала средства и чтобы нам позволено было совершать зло во имя добра. И это, — продолжала она, — не только физическая боль, немощь и разрушительные последствия болезни, которые я должна перенести со свойственной мне долей терпения, подчиняя их моей воле ради работы, но еще и душевная боль, презрение, позори насмешки».

Всё это не было ни преувеличением, ни формой эмоционального высказывания. Это было правдой и оставалось правдой до самой ее смерти и в фактах, и в истории общества. На нее, стоявшую в первых рядах Теософического Общества, обрушивались ядовитые стрелы осуждения и обмана, как на живой уязвимый бастион, за которым настоящие виновники, слабые и заблудшие, были скрыты и защищены.

Она была, так сказать, жертвой, принимающей долгое мученичество, и на ее страданиях и незаслуженном позоре, который она так мужественно переносила, было построено процветание Теософического Общества.

Совсем немногие члены Теософического Общества могут ясно понять вышесказанное. Это только те, кто жил с ней каждый день, кто видел часы ее страданий и муки, нанесенные ей клеветой и оскорблениями, но в то же время наблюдали рост и процветание Общества в сравнительно тихой и благоприятной атмосфере, охраняемой покровом ее выдающейся личности. Это те, кто может осознать величину своего долга по отношению к ней, в то время как слишком многие из своих обязательствах и не подозревают.

ГЛАВА VIII

Однажды ей пришло искушение в виде большого годового жалования в случае, если она согласится писать для русских газет. Она могла бы писать об оккультизме или на другую тему, которая ей по душе, — сказали ей — лишь бы она только согласилась писать для их рубрик. Ей пообещали комфорт и свободу до конца жизни. То, что она делала бы за два часа ежедневной работы, вполне удовлетворило бы всем ее потребностям; но тогда «Тайная доктрина» не могла бы быть написана. Я говорила о компромиссе и спрашивала ее, возможно ли принять это обязательство и в то же время продолжать теософскую работу. «Нет, тысячу раз нет! — отвечала она. — Чтобы писать такой труд, как "Тайная доктрина", я должна направить все свои мысли в сторону этого потока. Мне уже сейчас довольно трудно, так как я стеснена больным, изношенным, старым телом, насколько же сложнее мне будет добиться всего, что я хочу, если я должна буду постоянно направлять потоки в разные направления. Во мне больше не осталось ни жизни, ни энергии. Слишком многое было отдано, когда производила феномены».

«Зачем же тогда вы производили эти феномены?» — спросила ее.

«Потому что люди постоянно надоедали мне с этим, — ответила она. — Это происходило постоянно: "О, пожалуйста, материализуйте это", — или, — "пожалуйста, сделайте так, чтобы я услышал астральные колокольчики", — и так далее, и я не хотела разочаровывать их. Я соглашалась на их просьбы. Теперь я должна страдать из-за этого!» Таким образом, в Россию было написано письмо с отказом от блестящего предложения, и еще одна жертва была принесена, чтобы Теософическое Общество могло жить и процветать. В разное время многие люди говорили мне о том, как это было глупо, что «феномены» были связаны с Теософическим Обществом или что Е.П.Б. никогда не следовало тратить свое время на такие пустяки. На эти замечания Е.П.Б. давала неизменно один и тот же ответ, а именно, что в то время, когда Теософическое Общество только формировалось, было необходимо привлечь внимание публики к этому событию, и что феномены наиболее действенно служили этой цели. Если Е.П.Б. провозгласила бы себя, в первую очередь, только учителем философии, то она привлекла бы не так много учеников, так как двадцать лет назад многие не достигли еще той ступени, на которой находятся сейчас. Свобода мысли и мнения тогда редко встречались, и обучение и склад мышления, необходимые для истинного понимания теософии, отпугнули бы их. Тогда уровень образования был ниже теперешнего, и он требовал чего-то привлекательного, чем могла быть

любовь к чудесам, чтобы пробудить в людях первоначальный интерес, назначение которого было заставить их думать глубже. Так, феномены положили начало Обществу, но избавиться от элемента, однажды введенного в обиход отслужившего свою службу, оказалось сложно. Все приходило с тем, чтобы их желание чуда было удовлетворено, а когда их надежды не оправдывались, они уходили разгневанные и возмущенные.

В Вюрцбурге у нас была маленькая, но очень удобная квартира; комнаты были просторные, с высокими потолками, расположенные на первом этаже, так что Е.П.Б. было удобно входить и выходить из дома. Но за всё то время, что я была с ней, я смогла убедить ее выйти подышать свежим воздухом только три раза. Казалось, ей нравились эти прогулки, но заботы и напряжение, связанные с подготовкой к ним, утомляли ее, и она считала их тратой времени. У меня была привычка, по возможности, выходить ежедневно на полчаса на прогулку, так как я чувствовала, что и свежий воздух, и движение полезны для моего здоровья, и я вспоминаю один любопытный случай, который произошел во время одной из таких прогулок. Я прогуливалась по одной из самых оживленных частей города, когда, проходя мимо парфюмерного магазина, я увидела в витрине мыло в стеклянной чаше. Вспомнив, что мне нужно его купить, я зашла в магазин и взяла кусок мыла из чаши. Я видела, как продавец заворачивал его в бумагу, взяла сверток, положила его в карман и продолжила свою прогулку. По возвращении домой я направилась прямо в свою комнату, не заглядывая к Е.П.Б., сняла плащ и шляпу. Достав сверток из кармана, я начала развязывать тесемку и снимать обертку, и, проделывая это, я почувствовала внутри небольшой кусочек сложенной бумаги. Я не могла отделаться от мысли о том, как любят люди рекламу, они даже вкладывают ее в сверток с кусочком мыла! Но потом я вдруг вспомнила, что видела, как продавец заворачивал сверток, и он, несомненно, ничего в него не положил. Мне это показалось странным, и, когда сложенная бумага упала на пол, я наклонилась и подняла ее, а затем открыла и обнаружила несколько адресованных мне строк от Учителя Е.П.Б., написанных его почерком, который я часто видела ранее. Это было объяснение событий, над которыми я ломала голову несколько последних дней, а также несколько указаний, касающихся моих дальнейших действий. Этот феномен особенно меня заинтересовал, так как он произошел без ведома Е.П.Б. и независимо от нее, ведь в тот момент она весьма беззаботно что-то писала за своим столом в кабинете, как я потом убедилась. После смерти Е.П.Б. письма от этого же Учителя были получены разными лицами, что продемонстрировало проявление его действия независимо от

Е.П.Б., но было интересно стать свидетелем такого явления еще при ее жизни. И я вспоминаю другой случай, когда произошел подобный феномен. Д-р Гартманн написал мне письмо с просьбой выяснить кое-что у Учителя, касающееся лично его. Я показала письмо Е.П.Б. и спросила, не смогла бы она передать вопросы. Она ответила: «Нет, попробуйте, сможете ли вы сами это сделать. Положите письмо на портрет Учителя, и если Учитель захочет ответить Гартманну, его заберут». Я закрыла дверь в комнату Е.П.Б. и подошла к своему письменному столу, где стоял написанный маслом портрет Учителя, положила письмо в рамку, взяла книгу и читала ее около получаса, в комнату в это время никто не входил. Когда я подняла глаза, письма уже не было. Никаких новостей не было в течение нескольких дней. Но в один из вечеров, когда я получала письма у почтальона, я увидела письмо от д-ра Гартманна и подумала о том, какой объемистый был конверт и как странно, что за него не требовали дополнительных почтовых расходов. Когда я открыла конверт, я сначала достала письмо доктора, которое я положила на портрет, затем письмо от Учителя с ответами на вопросы Гартманна и, наконец, свежее письмо от доктора, на полях которого рукой Учителя были сделаны комментарии, касающиеся содержания письма. Снаружи письма Гартманна была печать с подписью Учителя, осажденная на конверте.

Феномены, схожие с этими, происходили постоянно. Внутри получаемых писем часто были комментарии, написанные рукой Учителя, или письма пропадали на несколько дней, а по возвращении в них были сделаны пометки к содержимому. Когда такое случилось в первый раз, я была очень поражена. Однажды рано утром за завтраком (письма чаще всего приносили с первой почтой) Е.П.Б. получила несколько писем и тотчас погрузилась в чтение. Мне пришло одно письмо из Швеции, которое привело меня в замешательство. Не зная, как ответить на него, я положила его рядом с собой на стол и продолжила завтрак, размышляя о его содержании. Вскоре я закончила трапезу и, вставая, протянула руку, чтобы забрать письмо. Его там не было. Я поискала под своей тарелкой, на полу, в карманах, но не могла нигде его найти. Е.П.Б. мельком взглянула на меня поверх русского письма, которое она читала, и спросила: «Что вы ищете?» Я ответила: «Письмо, которое я получила сегодня утром». Она сказала тихо: «Бесполезно искать его. Только что рядом с вами был Учитель, и я видела, как он забрал конверт». В течение трех дней никаких новостей о письме не было, но однажды утром, когда я писала письмо в столовой, я вдруг увидела перед собой на подушечке для печати тот самый конверт. На полях письма были комментарии с намеками, как я должна поступить, и как показало

дальнейшее развитие дел, совет был очень мудр. Подобные случаи происходили постоянно, и если бы я всегда поступала в соответствии с данным мне из этого источника советом, я была бы спасена и от денежных потерь, и от множества тревоги и волнений. Так, например, несколько лет назад я купила в Швеции небольшое имение на морском побережье. Это было замечательное место. Много времени и усилий было потрачено на ремонт и меблировку дома, на приведение в порядок сада и парка, чем я очень гордилась. Однажды Е.П.Б. сказала мне: «Удивляюсь, что вы не продаете свое имение в Швеции, так как тогда вы были бы более свободны для теософии». Я ответила: «О, Е. П. Б., как вы можете меня просить сделать это? Я не хотела бы расставаться с моим домом после всех забот и затраченных средств, и к тому же я убеждена, что мой сын будет против продажи его. Вероятно, мне будет сложно также найти покупателя». На это Е.П.Б. ответила: «Учитель хотел, чтобы я вам сказала, что если вы немедленно выставите имение на продажу, вы без потерь избавитесь от него». Но я ее не послушала. В глубине души я думала: «Е.П.Б. хочет, чтобы я продала имение, чтобы связать меня крепче с теософией». Со всех сторон друзья писали мне, что она старая, строящая козни женщина, которая психологизирует меня и использует имя Учителя, чтобы сыграть на моей доверчивости и заставить меня сделать то, что она хочет. А здесь у меня будет возможность показать свою свободную волю и сохранить независимость своих действий. Таким образом, я не предприняла никаких дальнейших шагов. Но потому меня была причина пожалеть об этом, так как я выяснила, что если бы я в то время выставила свое имение на продажу, я продала бы его с наибольшей выгодой, и что также мой сын не имел бы никаких возражений. И действительно, он потом настоял, чтобы я продала имение, что я и сделала несколькими годами позже с большим убытком, после всех волнений и неприятностей, связанных со всем этим.

Я рассказала об этом случае, чтобы показать, что Е.П.Б. не принуждала меня ни к чему. Я часто слышала разговоры, что те, кто жил с Е.П.Б., были не более чем марионетки в ее руках и что она гипнотизировала их и заставляла делать то, что было нужно ей. Этот мой случай — прямое доказательство обратного, и, хотя в тот момент мне и пришлось пожинать плоды, я рада, что могу показать, как мои сомнения в словах Учителя, переданных через Е.П.Б., были чрезвычайно неблагоприятны. Жизненный опыт учит быть скромным, так как полученные позже знания доказывают, как много ошибок в суждениях было сделано в течение жизни, и, оглядываясь на годы, проведенные с Е.П.Б., я чувствую, как много я потеряла, не понимая или

недооценивая ее миссию в жизни так, как я понимаю сейчас.

Я постоянно испытываю сожаление, что потеряла так много драгоценного времени, не понимая ни ее положения, ни своего. Но когда я впервые пришла к ней, я была земной женщиной, баловнем судьбы. Благодаря политическому статусу мужа я занимала известное положение в обществе; поэтому прошло много времени, пока я осознала пустоту того, что я до тех пор считала самым желанным в жизни, и потребовалось долгое обучение и много напряженных битв с самой собою прежде, чем я преодолела себе удовлетворенность, порожденную, без сомнения, праздной жизнью, удобством и высоким положением. Так много должно было быть «выколочено» из меня, если говорить словами самой Е.П.Б., и я смотрю с чувством глубокой благодарности в прошлое и думаю обо всем том, что она сделала для меня, и как она превратила меня в более совершенный инструмент для работы в Теософическом Обществе, той работы, которую я выполняю с чувством долга и с радостью.

Все, кто знал и любил Е. П. Б., чувствовали, как она располагала к себе, как она была искренне добра и приятна; временами такое веселое ребячество сквозило в ней, и облик ее искрился духом радостного веселья, проявляя такое обаяние, какого я не видела ни в одном человеке. Одной из удивительных черт ее характера, было то, что она была для всех разной. Я никогда не видела, чтобы она обходилась одинаково с двумя людьми. Слабые стороны характера каждого были понятны ей сразу же, и было любопытно видеть, какими необычными способами она испытывала людей. Те, кто находился в ежедневном общении с ней, постепенно овладевали знанием своего «Я», и те, кто воспринимал практическую сторону ее обучения, делали успехи. Но для многих ее учеников сам процесс оказался малоприятным, так как никому не доставляет удовольствия столкнуться лицом к лицу со своими слабостями. Поэтому многие отвернулись от нее, но те, кто смогли выдержать испытание и остался верен ей, смогли увидеть в себе то внутреннее развитие, которое только и ведет к оккультизму. Никто не мог бы иметь более преданного и верного друга, и думаю, что это было величайшим даром моей жизни, иметь с ней такое близкое знакомство, и до конца моих дней я буду стараться содействовать тому благородному делу, ради которого она работала до изнеможения и из-за которого она так много претерпела.

Я останавливаюсь на многих моментах, которые не имеют прямого отношения к «Тайной доктрине»; но мне кажется, что если я покажу

фрагменты жизни Е.П.Б. того времени, многие смогут лучше понять женщину, которая написала такой колоссальный труд. День за днем она сидела и писала в течение многих часов, и со стороны нельзя себе представить жизнь более монотонную и утомительную, чем та, которую вела она. Но полагаю, в то время она жила более во внутреннем мире и там видела образы и видения, которые компенсировали мрачность повседневной жизни. Однако было у нее и развлечение, довольно своеобразное по своей природе. Напротив ее письменного стола на стене висели часы с кукушкой, которые вели себя весьма необычно. Иногда они били, как громкий гонг, затем вздыхали и охали, как бесноватые, кукуя совершенно неожиданным образом. Наша горничная Луиза, существо совершенно глупое и равнодушное, очень боялась их и однажды очень серьезно заявила нам, что думает, что в них сидит дьявол. «Не то чтобы я верила в дьявола, — сказала она, — но кукушка временами практически говорит со мной». Так оно и происходило. Однажды вечером я вошла в комнату Е.П.Б. и увидела нечто похожее на лучи электрического света, выходящие из часов во всех направлениях. Я сказала об этом Е.П.Б., и она ответила: «О, это только тонкий телеграф, они настраивают его сильнее сегодня ввиду завтрашней работы». Живя в такой атмосфере и вступая в постоянный контакт с такими, обычно невидимыми, силами, незримый мир казался мне настоящей реальностью, а мир внешний представлялся чем-то туманным и не приносящим удовлетворения.

Здесь уже часто упоминалось об Учителе Е.П.Б., и думаю, что некоторым читателям будет интересно узнать, как она впервые с ним познакомилась.

В детстве она часто видела рядом с собой астральную фигуру, которая приходила, казалось, в минуты опасности и в критический момент спасала ее. Е.П.Б. стала считать эту астральную фигуру своим ангелом-хранителем и чувствовала, что была под его заботой и водительством.

В 1851 году в Лондоне, когда она прогуливалась по улице со своим отцом, полковником Ганом, она, к своему удивлению, увидела высокого индуса среди других индийских вельмож. Она сразу же узнала в нем того, кого она видела в астральном свете. Ее первым порывом было броситься вперед, чтобы поговорить с ним, но он сделал ей знак, чтобы она не двигалась, и она осталась стоять, как замороженная, пока он проходил мимо. На следующий день она пошла в Гайд-парк, где могла побыть наедине и поразмышлять о своем необычном приключении. Подняв глаза, она увидела ту же фигуру, приближающуюся к ней, и затем Учитель сказал ей, что

прибыл в Лондон вместе с индийскими князьями с важной миссией и что он хотел лично встретиться с ней, так как ему была нужна ее помощь в одном деле, которое он собирался предпринять. Затем он рассказал ей, как должно быть образовано Теософическое Общество и что он хотел, чтобы она была его основательницей. Он описал в общих чертах те трудности, которые она должна будет преодолеть, а также сказал, что она должна будет провести три года в Тибете, чтобы подготовиться для этого важного дела.

После трех дней серьезных размышлений и консультаций с отцом Е.П.Б. решила принять сделанное ей предложение, и вскоре она покинула Лондон и отправилась в Индию.

В Вюрцбурге произошел любопытный случай. Госпожа Фадеева — тетька Е.П.Б. — написала ей, что послала на адрес Людвигштрассе посылку, содержащую, на ее взгляд, груды хлама. Коробка прибыла, и мне поручили ее распаковать. Когда я вынимала вещи одну за другой и передавала их госпоже Блаватской, я услышала восторженное восклицание, и затем она сказала: «Идите посмотрите на это, я написала это в 1851 году, в день, когда я увидела моего благословенного Учителя»; и там, в потрепанной книге с поблекшими чернилами я увидела несколько строк, в которых Е.П.Б. описала вышеупомянутую встречу. Мы все еще храним эту старую книгу. Я могу процитировать эти строки:

«Nuit memorable. Certaine nuit par un clair de lune qui se couchait a — Ramsgate,⁵ 12 Aout,⁶ 1851 — lorsque je rencontraï le Maître de mes rêves.»⁷

Я была в Англии во время того визита индийцев и помню, что слышала, как они и их свита произвели на всех прекрасное впечатление, и что один из них был невероятно высокого роста.

Полковник Олькотт в своих «Листах старого дневника» за июнь 1893 года записал:

«У меня был наглядный пример того, что, по крайней мере, некоторые

⁵ Увидев рукопись, я спросила, почему она написала «Рэмсгейт» вместо «Лондона», и Е.П.Б. сказала, что это был шифр, чтобы любой, кто заглянет в книгу случайно, не узнал бы, где она встретила своего Учителя и что ее первая беседа с ним была в Лондоне, как она ранее уже говорила мне. (Прим. К. В.).

⁶ Le 12 Aout — c'est Juillet 31 style russe — jour de ma naissance — vingtans! («12 августа — это 31 июля по русскому стилю — день моего рождения — двадцать лет!») (франц.).

⁷ Памятная ночь. Этой ночью ясная луна садилась в Рэмсгейте, 12 августа 1851 — ночь, когда я встретила Учителя из моих снов (франц.).

из тех, кто работал с нами, были живыми людьми, так как я видел их во плоти в Индии, после того как увидел их в астральном теле в Америке и в Европе, и имел возможность соприкоснуться и говорить с ними. Вместо того чтобы сказать мне, что они были духами, они сказали, что являются такими же живыми людьми, как и я, и что каждый из них имеет свои характерные особенности и способности, одним словом, свою законченную индивидуальность. Они сказали мне, что настанет день, когда и я приобрету то, чего достигли они. Насколько скоро это произойдет, будет целиком зависеть от меня самого; и что мне не следует ожидать никакой милости, но я должен буду так же, как и они, достигнуть каждой ступени, каждого дьюма прогресса своими собственными усилиями».

ГЛАВА IX

Но зима быстро пролетела, и пришла весна, и однажды утром Е.П.Б. получила письмо от старого друга, одного из старейших членов общества, мисс Кислингбери, которая писала, что приедет навестить нас. Мы были в восторге от такой перспективы и оказали радушный прием бывшему другу, которая, прочитав злобные нападки Общества Психических Исследований на Е.П.Б., не могла успокоиться, пока не приехала и не завершила свою подругу в том, что любит и верна ей, как и прежде, а также рассказала о своем праведном гневе, направленном на бесчестные и нелепые обвинения против нее. День быстро прошел в выслушивании новостей из внешнего мира и в обсуждении Теософического Общества в целом. В то же самое время у нас гостили мистер и мадам Гебхард. Оба они перенесли горе, потеряв недавно горячо любимого сына, и Е.П.Б. и я тепло и радушно приняли их. Они были такими верными и доброжелательными друзьями, что их визит в Вюрцбург был для нас, как луч света. Так как уже наступил разгар весны, пришло время подумать о наших летних планах, и Е.П.Б. решила провести последующие летние месяцы в Остенде вместе с сестрой и племянницей.

Госпожа Гебхард очень хотела ненадолго съездить в Австрию и уговаривала меня сопровождать ее в Кэмптэн, очень уединенное место, окруженное прекрасными видами. Но главное очарование и привлекательность этого места для нас заключались в том, что этот город был известен своими домами с привидениями и многими проживающими там оккультистами. Доктор Франц Гартманн был там, и так как мы думали, что нам стоит лучше познакомиться с ним, мы разработали план поездки и начали трудную задачу упаковки вещей. В несколько дней все коробки Е.П.Б. были собраны и завязаны, и богатое событиями путешествие должно было вот-вот начаться. Мисс Кислингбери возвращалась в Лондон и любезно пообещала сопровождать Е.П.Б. до самого Остенда. В Кёльне они должны были отдохнуть день или два, и потом продолжить путешествие. Мистер Гебхард пообещал поехать и проведать их в Кёльне, и так как его дочь жила в этом городе, мы чувствовали, что о мисс Кислингбери и Е.П.Б. хорошо позаботятся.

Путешествия для Е.П.Б. были всегда очень трудны, и я в тревоге смотрела на девять коробок, которые нужно было поместить в ее железнодорожный вагон. Мы очень рано выехали на станцию, и там мы усадили Е.П.Б., окруженную ее многочисленными вещами, а сами попытались договориться с кондуктором, чтобы отдельное купе было

предоставлено ей, ее служанке Луизе и мисс Кислингбери. После долгих споров и протестов, он открыл дверь купе для нас, и тут началась серьезная задача размещения груды багажа, состоящего из подушек, одеял, саквояжей и драгоценной коробки с «Тайной доктриной»: книга ни на секунду не могла быть оставлена без ее присмотра. Бедная Е.П.Б., которая не выходила из своей комнаты неделями, вынуждена была пройти вдоль всей платформы, и это далось ей с трудом. Мы усадили ее с удобствами и только начали думать с радостью, что тягостная задача была успешно завершена, как один из чиновников появился у двери и стал категорически возражать против того, что купе битком набито багажом. Он говорил на немецком языке, Е.П.Б. отвечала на французском, и я уже начала спрашивать себя, как это всё закончится, когда, к счастью, прозвучал свисток, и поезд начал отъезжать от станции. Меня охватило чувство жалости к мисс Кислингбери, когда я представила себе, как все эти пакеты должны быть выгружены в Кёльне, и я почувствовала, что всё это нужно будет делать ей.

Несколькими часами позже я была по пути на юг вместе с госпожой Гебхард. Дни нашего совместного пребывания прошли быстро и приятно, и мы расстались; она отправилась в Висбаден, а я вернулась в Швецию для того, чтобы провести лето в своем доме. Первыми новостями, которые я получила о Е.П.Б., было то, что через день после ее и мисс Кислингбери прибытия в Кёльн господин Гебхард с несколькими членами своей семьи уговорили ее посетить Эльберфельд. Мисс Кислингбери вернулась в Лондон, а мадам Блаватская отправилась в дом своих хороших друзей.

В течение летних месяцев я часто получала письма от Е.П.Б., и первая новость была печальной по сути. Она упала на скользком паркете в доме Гебхардов в Эльберфельде и, к несчастью, растянула связки и ушибла ногу. Это, естественно, нарушило ее планы продолжить путешествие в Остенд; поэтому она осталась со своими друзьями, доброта которых не знала границ. Они не упускали ни малейшей возможности, чтобы облегчить ее страдания и сделать ее жизнь приятной. В довершение всего они пригласили мадам Жеиховскую с дочерью погостить у них, и Е.П.Б. была рада снова видеть родственников рядом. В одном из писем она писала:

«Моя старая нога понемногу идет на поправку, боль ушла, но она совершенно беспомощна, и одним небесам известно, когда я смогу ходить хотя бы так немного, как ранее. Милая, добрая г-жа Гебхард! Она действительно нянчится со мной, к тому же она достаточно добра, чтобы

считать меня более уравновешенной, чем в былые времена!! Et pour cause.⁸
На поле сражения нет предателей, какие были там тогда...

Рукопись "Тайной доктрины" вернулась от нашего почтенного друга; он считает, что книга более чем превосходна для первоначального варианта — даже полдюжины слов не было исправлено. Он говорит, что она безупречна».

Так как почти все письма Е.П.Б. того времени касались благополучия дел Теософического Общества и всех разнообразных личностей, входивших в него, мне практически невозможно цитировать ее письма без упоминания отрывков, касающихся выдающихся членов Общества того времени. И поскольку я в своем рассказе старалась по возможности избежать высказываний о личностях, я приведу только некоторые отрывки.

По приезде в Остенд со своей сестрой и племянницей она писала:

«Вот и я — жалкое разочарование во всем. Если бы я раньше знала то, что знаю теперь, я бы тихонько осталась в Вюрцбурге, поехала бы в Киссинген и уехала бы из последнего только в сентябре, но такова была и есть моя судьба, и ее велением было то, что я должна потратить все свои несчастные сбережения и провести зиму в Остенде. Теперь все уже произошло, и изменить ничего нельзя. Эти отели (о, боги авичи!). За одну ночь в "Континентале" я заплатила за наши номера 117 франков. И тогда моя сестра встала утром в отчаянии и почувствовала, что одно место на прибрежном бульваре привлекло ее, там в переулке она обнаружила апартаменты, в которых сдавался в аренду целый rez de chaussee⁹ — три прекрасные комнаты по коридору слева, две справа, иными словами, пять комнат и кухня внизу, все за 1000 франков за весь сезон и 100 франков за каждый последующий месяц, и что мне было делать? В результате Ваша безногая подруга устроилась в апартаментах слева, а моя сестра получила две комнаты — спальню, очень элегантную, и маленькую гостиную или столовую справа по коридору. Когда она уедет, а это случится через десять дней, ее комнаты останутся свободными. Но тогда, возможно, придет мистер Синнетт. Замечательно иметь в наличии две такие комнаты для друзей. У меня же очаровательные комнаты — спальня, соединенная с большим кабинетом маркой с атласными портьерами, и гостиная с фортепиано в ней.

⁸ И не зря (франц.).

⁹ Первый этаж (франц.).

Да, я постараюсь вновь втянуться в работу над "Тайной доктриной". Но это тяжело. Я очень слаба, дорогая, и чувствую себя такой нездоровой и безногой, чего со мной никогда не было, когда Вы были со мной, чтобы заботиться обо мне... Я нервна, как кошка, и чувствую себя неблагодарной. Но ведь это потому, что благодарность, в соответствии с древним символизмом, располагается в пятках человека, и как можно ожидать ее от меня, которая свои ноги потеряла? У меня есть привязанность — но только к ...»

Позже:

«Я стараюсь писать "Тайную Доктрину". Но Синнетт, который здесь уже несколько дней, хочет, чтобы все мое внимание было направлено на благословенные "Мемуары". Миссис Синнетт не смогла приехать, и он скоро уедет, и таким образом буду оставлена без ног, без друзей и наедине с моей кармой. Изрядно *tete-a-tete*¹⁰»

Из другого письма:

«Мои бедные ноги расстаются с моим телом. Это безграничный, если не вечный, фарлонг,¹¹ как говорят в Индии. Какова бы ни была причина, я теперь такая же безногая, каким может быть любой элементал. Нет, я не знаю ни души в Остенде, за исключением Луизы и домовладелицы с ее котом и дроздом. В этом сезоне здесь нет ни единого русского, кроме меня, которая предпочла бы стать мусульманкой и вернуться в Индию. Но я не могу, так как у меня нет ни ног, ни репутации согласно бесславным обвинениям О. П. И. ...Думаю, что подагра и ревматизм скоро доберутся до моего сердца, оно очень болит».

Бедная Е.П.Б.! Она ужасно страдала тогда. Она так хотела продвинуться вперед в своей работе, но постоянные препятствия на ее пути были большим испытанием для нее. Во всех своих письмах она убеждала меня вернуться к ней, потому что она чувствовала, что, если я буду рядом, она будет свободна от множества мелких неприятностей и что покой и тишина, которые совершенно необходимы для ее работы над «Тайной доктриной», были бы ей обеспечены. Я была рада, что наступил день, когда я смогла вернуться к ней, и наша встреча была очень радостной: нам нужно было многое рассказать друг другу. Мне было больно видеть, что Е.П.Б. страдала больше, чем тогда, когда она покидала Вюрцбург, но она сказала мне, что нашла в Остенде

¹⁰ Наедине (франц.).

¹¹ Мерадлины = 201,17 м.

знающего доктора и договорилась, что он будет приходить осматривать ее каждую неделю.

Вскоре мы восстановили наш прежний распорядок жизни, и я была рада видеть, что с каждым днем Е.П.Б. могла всё больше работать и снова всё чаще пребывала в том, что она сама называла «потоками». Сообщения от Учителя и от других чела были частыми, и мы жили всецело в своем мире. Но в Остенд можно было добраться легче, чем в Вюрцбург, и посетители стали нарушать монотонность нашего существования. Двое из наших членов приехали из Парижа и остановились у нас ночевать. Это были госпожи Габорио и Кулон, и вечера проходили в беседах, когда Е.П.Б. задавали вопросы и она с готовностью на них отвечала, читая им иногда отрывки из «Тайной доктрины», написанные ею днем. М-р Экштайн из Вены посетил нас ненадолго, а также по дорогам Германии из Америки к нам заехал м-р Артур Гебхард, который провел несколько лет в Америке, и Е.П.Б. очень хотела услышать все теософские новости из этой страны.

Однажды Е.П.Б. позвала меня и спросила, не могу ли я съездить в Лондон по одному частному делу. Я сказала ей, что с готовностью бы сделала это, хотя и беспокоюсь о том, как оставить ее одну. Так, я поехала в Лондон с тяжелым сердцем, потому что думала об одиночестве старой леди и о том, с какой острой тоской она посмотрела на меня, когда мы целовались перед отъездом.

В Лондоне я часто получала письма от Е.П.Б., вот некоторые отрывки из них:

«Я несчастна, потому что с каждым днем во мне растет уверенность, что на этой земле нет такого уголка, где меня оставили бы спокойно жить и умереть. Потому что у меня нет дома, я ни на кого не могу полностью положиться и потому что нет никого, кто способен до конца понять меня и то положение, в котором я нахожусь. Потому что с того дня, как Вы уехали, меня замучила полиция — осторожно, правда, и пока осмотрительно, но вполне ясно, чтобы понять, что меня рассматривают в качестве подозреваемой даже в том деле о краже миллиона на железной дороге между Остендом и Брюсселем!!! Они уже три раза просили дать информацию о Вас, и уже дважды ко мне приходил человек из полиции, спрашивая о моей фамилии до и после замужества, моем возрасте, откуда я приехала, где я прежде проживала, когда я приехала в Вюрцбург, в Эльберфельд и т. д. В конечном счете, что бы я ни делала, всё оборачивается для меня несчастьем, и всё неправильно понимается и истолковывается моими лучшими друзьями.

Я оклеветана, опорочена чужими людьми, но теми, кто были или казались наиболее привязанными ко мне и кого я действительно любила... Потому что ложь, лицемерие и иезуитство безраздельно властвуют в этом мире, а я не служу и не могу служить ни одному из них, и поэтому, очевидно, я обречена. Потому что я устала от жизни и мучений, этого сизифова камня и вечного труда данаид, и потому что мне не позволено избавиться от этих мучений и уйти на покой. Потому что права ли я или нет, меня сделают неправой. Потому что я лишняя на этой Земле, вот и всё».

И снова:

«Я знаю от Учителя, что Вы превосходно выполняете работу в Лондоне. Помня хорошо, как Вы нужны мне (а я крайне нуждаюсь в Вас), пожалуйста, оставайтесь там еще неделю или даже дольше, если Вы находите это нужным. Я чувствую себя очень несчастной, но не обращайтесь внимания, я переживу это. Z. очень молод и никогда не встает ранее 12 и 13 часов пополудни, но он хорошо трудится, отыскивая цитаты и корректируя английский язык в приложениях».

Незадолго перед отъездом из Вюрцбурга Е.П.Б. послала свою рукопись «Тайной доктрины» в Адьяр полковнику Г. С. Олкотту, президенту Общества. Ей очень хотелось узнать его мнение, так как он много помог ей с «Изидой». Она также хотела, чтобы манускрипт был отослан м-ру Субба Роу, так как он ранее прочитал несколько страниц и страстно хотел узнать больше. Е.П.Б. писала мне по этому поводу:

«Я послала вчера телеграмму, в которой спрашивала, могу ли я отослать Вам в Лондон мою рукопись, так как мне надо незамедлительно переправить ее в Мадрас. Она вся прекрасно упакована мужем Луизы, связана и зашита в промасленную ткань — готова к отправке, поэтому у Вас с ней не будет никаких хлопот, нужно будет только ее застраховать. Пожалуйста, сделайте это сами. Вы — единственная, кому я вполне доверяю. Олкотт написал, что Субба Роу так жаждет увидеть рукопись, что ежедневно интересуется, когда же она будет получена и т. д., видимо, Учитель приказал ему просмотреть ее. Пожалуйста, отошлите ее по почте и застрахуйте не менее чем на 150 или 200 фунтов, на случай утери, если она потеряется — что ж, прощай! Так что я пошлю Вам ее сегодня на Ваш адрес, и ответьте незамедлительно, когда получите ее».

Вот отрывок из другого письма:

«После длинного разговора с Учителем — первого за долгое-долгое время — я убедилась в двух вещах. Во-первых, Т.О. было погублено, будучи пересаженным на европейскую почву. Если бы была дана только философия Учителя, а феномены оставались на заднем плане, успех был бы обеспечен. Эти проклятые феномены разрушили мою репутацию — это мелочь, которую можно только приветствовать — но они также разрушили теософию в Европе. В Индии она будет жить и процветать. А во-вторых (!), всё Общество (в Европе и в Америке) проходит чрезвычайное испытание. Те, кто выйдут из него невредимыми, получают свою награду. Те, кто останутся инертными и пассивными, так же как и те, кто повернут назад, также получают свое. Это последнее и величайшее испытание. Но есть и новости. Я должна буду или вернуться в Индию, чтобы этой осенью там умереть, или я должна сформировать до ноября ядро истинных теософов, свою собственную школу, без никаких секретарей, только я одна, с таким количеством мистиков, какое я смогу собрать для обучения. Я могу оставаться здесь, или поехать в Англию, или поступать, как считаю нужным... Вы говорите, что литература — это единственное спасение. Что ж, посмотрите, какой замечательный эффект произвели "Мемуары мадам Блаватской". Семь или восемь французских газет набросились на Синнетта, меня, К.Х. и др. по поводу этих воспоминаний. Произошло подлинное возрождение скандалов Теософического Общества и только благодаря этой литературе. Если бы мы смогли избавиться от феноменов и придерживались только философской системы, тогда, по словам Учителя, Т.О. в Европе могло бы быть спасено. Но феномены — это проклятие и гибель Общества. Из-за того, что я дважды или трижды писала Z. о том, что он делал, о чем думал и что читал в такой-то и такой-то день, он стал увлеченным и развитым мистиком. Что ж, пусть Учитель вдохновит и благословит Вас, так как Вы должны сыграть свою роль в предстоящей борьбе. Я узнала, что те, кто подписался на "Тайную доктрину", становятся нетерпеливыми — ничем не могу им помочь. Я, как Вы знаете, работаю по четырнадцать часов в день. Последний манускрипт, отосланный в Адьяр, вернется не ранее чем через три месяца, только после этого мы можем начать публикацию. Субба Роу пишет ценные примечания, так говорит мне Олькотт. Я не собираюсь уезжать из Англии или ее окрестностей. Здесь мое место в Европе, и это решено. Программа дана неподалеку от Лондона, и я буду придерживаться ее. Как бы мне хотелось, чтобы Вы поскорей вернулись. Ваша комната с печью наверху готова, так что Вам будет более комфортно. Но Вы делаете полезную работу в Лондоне. Я чувствую себя настолько одинокой, насколько это вообще возможно...»

И снова:

«Только несколько слов, так как, хвала небесам, я вскоре снова увижу Вас. Скажите тем, кто спрашивал Вас: "Мой Учитель — белый маг, а также махатма". Не может быть махатмой тот, кто не является белым магом, вне зависимости от того, применяет ли он свою силу или нет, однако не каждый маг может достичь уровня совершенного махатмы, вполне соответствующего метафоре, использованной Мохини,¹² так как состояние махатмы растворяет физическую природу человека, интеллект, чувство Эго, и всё остальное, исключая тело, как кусочек сахара в воде. Но даже если полагать, что мой Учитель не был еще вполне махатмой — что никто не может знать, кроме него самого и других махатм из его окружения, — какое для кого это имеет значение? Я вполне удовлетворена, даже если он ничуть не выше, чем три волхва (белых мага, которые пришли увидеть рождение Христа). В конце концов, пусть те, кто надоедает Вам с этим вопросом, изучат этимологию слова "маг". Оно происходит от слов mah, maḥa, mag, которые тождественны с корнем слова махатма. Первое означает великая душа, Мах-атма, другое — великий труженик, mahansa или maghusha. Мохини прав, что объясняет это людям и показывает им ясное различие между состояниями человека, который находится в этом состоянии. Те, кто время от времени достигают этого состояния, — такие же махатмы, как и любой другой. Те же, в ком это состояние становится перманентным, являются "кусочками сахара"; им нет никакого дела до земных вещей. Они — "дживанмукты"!»

«С тех пор, как Вы уехали, я чувствовала, что со мной случится или паралич, или разрыв сердца. Я холодна, как лед, и даже четыре дозы дигиталиса не могли успокоить мое сердце. Что ж, дайте мне только закончить "Тайную доктрину". Прошлой ночью вместо сна меня заставили писать до часу ночи. Тройная Мистерия обнародована — та, которая, как я полагала, никогда не может быть предана огласке — речь идет об...»

Получив это письмо, я была очень встревожена. Я принялась спешно заканчивать оставшуюся работу и очень расстроилась, когда по приезде в Остенд нашла Е.П.Б. измотанной и больной. М-р Z. вскоре уехал, прежняя жизнь возобновилась, и усердная работа над «Тайной доктриной» была продолжена. Редко мне удавалось уговорить Е.П.Б. выехать в кресле-каталке на прогулку. Я полагала, что солнечное тепло и морской воздух благотворно на нее повлияют, но когда она возвращалась, она всегда казалась

¹² Мохини Мохан Чаттерджи (1858—1936) — адвокат, теософ. В 1884—1885 гг. читал лекции по теософии в Европе и Соединенных Штатах Америки.

неудовлетворенной, словно чувствовала, что плохо поступила, потеряв так много драгоценного времени. Она часто говорила: «Вскоре мы не будем одни, и тогда обстоятельства изменятся, и потоки будут прерваны, и я вряд ли смогу работать так же хорошо». Так она продолжала работу за своим столом, несмотря на боли и страдания. Она просто посильней стискивала зубы и мужественно продолжала свою борьбу.

ГЛАВА X

В один из дней мы были приятно удивлены визитом миссис Кингсфорд и мистера Мэйтленда. Они были проездом в Париж и остановились на несколько дней в Остенде, в гостинице напротив нашего дома. Так как миссис Кингсфорд очень жаловалась на дискомфорт, который она испытывала в гостинице, и здоровье, по всей видимости, у нее было слабое, мы с Е. П. Б. предложили ей и мистеру Мэйтленду остановиться у нас. Я уступила свою комнату миссис Кингсфорд, и они остались у нас на две недели. Днем обе дамы обычно были заняты каждая своей работой, но по вечерам проходили замечательные беседы, и мне было интересно услышать обсуждение различных положений «Тайной доктрины» с точки зрения восточного и западного оккультизма. Мощные интеллекты этих двух талантливых женщин были вовлечены в оживленный спор, в который они вступали явно с противоположных концов. Постепенно оказывалось, что их позиции сближались, пока, наконец, они не сливались в единое целое. Тогда поднимались новые вопросы, которые разрешались так же мастерски. Но вскоре эти очаровательные вечера закончились, так как миссис Кингсфорд стала очень плохо себя чувствовать и не могла выходить из своей комнаты, и мистер Мэйтленд счел целесообразным отвезти ее в более теплый климат. Так, в одно прекрасное утро они уехали в Париж, и мы с Е.П.Б. снова остались одни.

Письма из Лондона теперь приходили чаще, и мы с радостью узнали, что там появились некоторые проблески деятельности. Была сформирована лондонская группа изучения, и большинство ее участников, казалось, были серьезно настроены и просили в письмах дополнительной информации и руководства. И действительно, у них всё продвигалось довольно благополучно, и Е.П.Б. радостно думала о новой деятельности в тех краях.

К моему огромному огорчению, я стала замечать, что к середине дня Е.П.Б. становилась сонной и утомленной, и часто едва могла работать час подряд. Ее состояние ухудшалось стремительно, и после того, как посещавший ее доктор сказал, что причиной тому является заболевание почек, я встревожилась и дала телеграмму мадам Гебхард, рассказав о своих опасениях и умоляя ее приехать и помочь мне. Я чувствовала, что ответственность была слишком велика, чтобы я могла справиться с ней в одиночку. Я попробовала нанять сиделку, чтобы она помогла мне справляться с работой по ночам, но было невозможно найти только сестру

милосердия, и вскоре я обнаружила, что она приносила не пользу, а вред, потому что, как только я отворачивалась, она уже держала перед Е.П.Б. свое распятие и умоляла ее только об одном — вступить в лоно церкви, пока еще не поздно. Это чуть не свело Е.П.Б. с ума. Поэтому я уволила эту сиделку, и, поскольку другой найти не удалось, я наняла повара, и, таким образом, Луиза могла уделять больше внимания Е.П.Б. Но так как ей только несколько недель назад привезли из Швейцарии ее маленькую дочь, я увидела, что даже ее помощь была не особенно полезной, потому что все ее помыслы были о ребенке. Поэтому я была несказанно благодарна, когда получила сердечный ответ на мою телеграмму и узнала, что через несколько часов я увижу госпожу Гебхард.

Когда она приехала, я почувствовала, что огромная ноша упала с моих плеч. В то же время состояние Е.П.Б. ухудшалось, и бельгийский врач, который был само воплощение доброты, безрезультатно пробовал одно лекарство за другим. Я стала серьезно волноваться, в тревоге решая, что же предпринять дальше. Е.П.Б. была в тяжелом летаргическом состоянии, казалось, что она часами была без сознания и ничто не могло ни пробудить, ни заинтересовать ее. Наконец, ко мне пришла светлая мысль. Я знала, что в лондонской группе был врач Эштон Эллис, и я телеграфировала ему, описав состояние Е.П.Б., и умоляла приехать незамедлительно.

Той ночью я сидела у постели Е.П.Б., прислушиваясь к каждому звуку и посматривая с волнением на часы, пока, наконец, в 3 часа ночи я не услышала, как весело зазвонил дверной звонок. Я помчалась к двери, открыла ее, и доктор вошел. Я торопливо рассказала ему обо всех симптомах, перечислила лечебные средства, которые применяли при ее лечении, после чего он прошел к Е.П.Б. и заставил ее выпить лекарство, которое привез с собой. Затем, дав мне некоторые инструкции, он направился в свою комнату, чтобы пару часов отдохнуть. Я рассказала мадам Гебхардо приезде врача и, наконец, вернулась на свой пост.

На следующий день состоялась консультация между двумя докторами. Бельгийский врач сказал, что он еще не знал случая, чтобы человек с таким приступом болезни почек, какой был у Е.П.Б., жил так долго, как она, и что он убежден, что ее уже ничего не может спасти. То есть он не видел никакой возможности ее выздоровления. Мистер Эллис ответил, что это крайне редкий случай, чтобы кто-нибудь оставался в живых в таком состоянии так долго. Далее он рассказал нам, что перед приездом в Остенд он проконсультировался со специалистом, который высказал такое же мнение,

но посоветовал вдобавок к выписанному лекарству попробовать массаж, чтобы стимулировать парализованные органы. Мадам Гебхард предложила, что, так как Е.П.Б. была при смерти, она должна составить завещание, потому что если она умрет в чужой стране, не сделав этого, то не будет конца неразберихе и неприятностям, связанным с ее наследством, ведь рядом с ней нет ни одного родственника. Она добавила, что уже говорила об этом с Е.П.Б., и та сказала, что согласна подписать завещание и что она хотела бы, чтобы всё ее имущество осталось мне, а она даст мне личные указания, как я должна буду им распорядиться. Позже Е.П.Б. точно указала, как я должна поступить с ее имуществом, которое, однако, состояло всего-то из ее одежды, нескольких книг, кое-каких драгоценностей и пары фунтов наличными; тем не менее, посчитали целесообразным составить завещание, и нотариус, два врача и американский консул должны были при этом присутствовать.

Ночь прошла спокойно, и на следующий день мистер Эллис массажировал ее несколько раз, пока совсем не выдохся. Но ей не стало лучше, и к своему ужасу я стала улавливать едва заметный специфический запах смерти, который иногда предшествует разложению. Я едва отваживалась надеяться, что она доживет до утра, и когда я сидела рядом с ней, она открыла глаза и сказала, как рада умереть, и что она думала, что Учитель позволит ей наконец обрести свободу. Все же она беспокоилась по поводу «Тайной доктрины». Я должна быть очень осторожна с рукописью и передать ее полковнику Олкотту с указанием напечатать ее. Она надеялась, что смогла бы дать миру больше, но Учитель знает, как лучше. И так, говоря с перерывами, она сказала мне многое. Наконец, она впала в бессознательное состояние, и я спрашивала себя, чем же это все закончится.

Мне казалось невозможным, что она должна умереть и оставить свой труд неоконченным; также и Теософическое Общество... что станет с ним? Как могло так случиться, что Учитель, стоящий во главе Общества, позволит ему погибнуть. Правда, это может быть последствием кармы его членов, которые из-за предательства и малодушия привели Теософическое Общество в такое состояние, в котором больше не было жизнеспособности, поэтому оно должно было замереть, чтобы возродиться только в следующем веке. Однако мне пришла в голову мысль, что Учитель сказал Е.П.Б., что она должна сформировать вокруг себя круг учеников и что она должна обучать их. Как же она может сделать это, если она должна умереть? И затем я открыла глаза, посмотрела на нее и подумала, возможно ли, чтобы ей, которая работала до изнеможения, так тяжело страдала и боролась, позволили умереть, не окончив работы? Какая была бы польза от всего ее

самопожертвования и агонии, через которую она прошла, если труд всей ее жизни не будет окончен? День за днем ее тело и ум испытывали мучения: ум — от вероломства и предательства тех, кто называл себя друзьями, а потом клеветал за ее спиной, бросая в нее камнями и думая в своем невежестве, что она никогда не узнает руку, бросившую их; и тело — потому что она вынуждена была пребывать в форме, которая должна была быть разрушена два года назад в Адьяре, если бы ее не сохранили при помощи оккультных средств, когда она решила жить и работать для тех, кто всё еще придет в Теософическое Общество. Ни один из тех, кто знал ее, не понимал ее по-настоящему. Даже для меня, которая была наедине с ней долгие месяцы, она была загадкой, с ее необычными силами, удивительными познаниями, исключительной способностью проникать в человеческую природу; и ее загадочная жизнь, проведенная в местах, неизвестных простым смертным, так что ее тело могло находиться рядом, а душа была часто далеко, общаясь с другими. Много раз я наблюдала ее такой и знала, что только ее оболочка присутствовала здесь.

Таковы были мысли, приходившие мне на ум, когда час за часом я сидела той тревожной ночью, наблюдая, как она становилась, казалось, слабее и слабее. На меня накатил волна невыразимого отчаяния, когда я почувствовала, как я истинно люблю эту великодушную женщину, и поняла, какой пустой будет моя жизнь без нее. Самым суровым испытанием было бы лишиться ее привязанности и доверия. Вся моя душа взбунтовалась при мысли, что я могу потерять ее. Я горько заплакала; не помню, что было дальше.

Когда я открыла глаза, ранний утренний свет уже прокрадывался в комнату, и меня посетило зловещее предчувствие, что я спала и что, вероятно, Е.П.Б. в это время умерла — умерла, пока я проспала свое дежурство. В ужасе я повернулась к ее постели и увидела Е.П.Б., которая спокойно смотрела на меня своими ясными серыми глазами и затем сказала: «Графиня, подойдите ко мне». Я бросилась к ней. «Е.П.Б., что произошло — вы выглядите совсем иначе, чем прошлой ночью». Она ответила: «Да, Учитель был здесь; он предоставил мне выбор: или умереть и быть свободной, если я пожелаю, или продолжить жить и закончить "Тайную доктрину". Он рассказал мне, как велики будут мои страдания и какая ужасная жизнь предстоит мне в Англии (так как я должна поехать туда); но когда я подумала о тех учениках, которых мне разрешено будет обучить некоторым вещам, и в целом о Теософическом Обществе, которому я уже отдала всё самое дорогое, я приняла жертву, и теперь, чтобы довершить ее,

принесите мне кофе и что-нибудь поесть и дайте мне мою табакерку».

Я помчалась выполнять ее поручения и сообщить мадам Гебхард о радостном известии. Она как раз переоделась и была готова сменить меня с ночного дежурства, и после нескольких радостных восклицаний она настояла, чтобы я отправилась спать, а она сама позаботится о Е.П.Б. Я была так взволнована, что думала, что уже не засну, но как только моя голова коснулась подушки, я моментально забылась сном и не просыпалась почти до вечера.

Когда я спустилась, везде царил радость. Е.П.Б. была уже на ногах и одета, оживленно беседуя со всеми. М-р Эллис снова сделал ей массаж и дал лекарство, и все были в ожидании гостей, которые должны были прийти, чтобы проконтролировать составление завещания. Е.П.Б. находилась в столовой и была готова их принять, а они выглядели ошеломленными, ведь они пришли с серьезными и вытянутыми лицами, ожидая, что окажутся в присутствии умирающей дамы. Доктор был совершеннo вне себя. Он сказал: «Mais, c'est inouï; Madame, aurait du mourir»¹³. Он не мог ничего понять, Е.П.Б. сидела в своем кресле, курила сигарету, тихо предложила другую ему, а потом стала посмеиваться над ним. Нотариус был озадачен и посмотрел в сторону бельгийского доктора в поисках объяснений. Тот стал оправдываться, повторяя несколько раз одно и то же: «Mais elle aurait du mourir»¹⁴. В то же время американский консул, как человек, умудренный опытом, вышел вперед, пожал руку Е. П. Б. и сказал, что рад, что она обманула смерть на этот раз, и затем последовала оживленная и занимательная беседа.

Через какое-то время нотариус призвал нас всех к порядку и начался серьезный разговор по поводу завещания. Е.П.Б. попросили дать сведения о ее муже, но она воскликнула, что ничего не знает о старом Блаватском, который, вероятно, давно уже умер, и что если они хотят узнать что-либо о нем, им лучше поехать в Россию; она просила их только прийти и составить завещание. Предполагалось, что она умирает, но теперь она этого делать не собиралась, но так как они уже все присутствовали, было бы досадно, если бы они напрасно приходили, поэтому хорошо бы им сделать завещание таким, как оно и планировалось, и она оставит всё мне.

Нотариус протестовал. Неужели у нее нет родственников; не было бы правильной завещать ее собственность им? И затем он посмотрел с

¹³ Но это неслыханно, мадам должна была умереть (франц.).

¹⁴ Но она должна была умереть (франц.).

подозрением на меня, как будто подумал, что я могла излишне влиять на Е.П.Б. с тем, чтобы она завещала свои деньги мне в ущерб родственникам. Е.П.Б. набросилась на него с вопросом, какое ему до этого дело; она заявила, что оставит свои деньги тому, кому сочтет нужным. Мадам Гебхард, опасаясь скандала, мягко сказала нотариусу: «Возможно, когда вы узнаете сумму, которую госпожа Блаватская собирается завещать, у вас больше не будет возражений составить завещание так, как она того желает; ведь если бы госпожа Блаватская умерла, то ее средств не хватило бы даже на организацию похорон».

Нотариус не сдержал удивления, однако принялся за работу без дальнейших комментариев. Через несколько минут завещание было составлено и подписано присутствующими, затем подали кофе, и за ним последовал разговор на общие темы. По прошествии трех часов американский консул поднялся и сказал: «Ну что ж, полагаю, умирающая дама утомлена теперь достаточно», — и с восторженными комплиментами гости покинули комнату, а оставшиеся смеялись от души над самой необыкновенной и забавной из когда-либо виданных сцен. Затем мы подумали, что Е.П.Б. пора в постель, но она решительно запротестовала и осталась допоздна раскладывать пасьянсы.

Хотела бы здесь добавить, что больше я никогда не видела этого завещания. После смерти Е.П.Б. на Авеню Роуд в Лондоне в восьмом мая 1891 года я поехала в Остенд, чтобы встретиться с нотариусом и узнать о судьбе завещания. Он сказал мне, что после моего отъезда он отдал его Е.П.Б., и я полагаю, что она, должно быть, уничтожила его, потому что обнаружить это завещание среди ее бумаг так и не удалось.

Волнения, сопутствующие выздоровлению Е.П.Б., постепенно утихли. Мистер Эллис вернулся в Лондон, увозя с собой самую искреннюю благодарность за свою доброту и готовность, с которой он отозвался на мою телеграмму, а также за свою заботу и преданность Е.П.Б., проявленные им во время пребывания у нас. Нашими следующими гостями стали д-р Кийтли и м-р Бертрам Кийтли. Они привезли с собой сердечные и настойчивые приглашения для Е.П.Б. от лондонской группы приехать и пожить в Англии, что, в конце концов, она согласилась сделать, а также было одобрено, что она проведет лето с семейством Кийтли в Норвуде в небольшом доме под названием Мэйкот.

Они вернулись в Лондон, чтобы начать приготовления к ее приезду, а я стала задумываться о том, чтобы вернуться домой в Швецию. Я чувствовала

себя бесконечно уставшей от всех тревог и волнений, которые мне пришлось пережить за последнее время, и больше всего мне хотелось полного отдыха, и физически, и морально. Видя мою усталость, Мадам Гебхард настояла, чтобы я уехала немедленно, а она сама останется с Е.П.Б. пока оба Кийтли не приедут за ней. И так как в то утро мы получили письмо от мистера Тортона, извещавшее, что он приедет в Остенд навестить Е.П.Б., я была рада, что мадам Гебхард будет не совсем одна, что рядом будет друг, готовый помочь в случае необходимости. Поэтому через несколько дней после самых теплых и сердечных прощаний уже была в поезде, который увозил меня в Швецию.

Кроме нескольких писем от мадам Гебхард о том, что дела идут нормально и что они заняты упаковкой багажа и сборами Е.П.Б. в путешествие в Англию, не было больше никаких важных событий. В течение лета я получила несколько писем от Е.П.Б., выдержки из двух из них я хотела здесь привести:

«Я могу только сказать, что я не чувствую себя счастливой или даже *mon aise*¹⁵, какую я была в Остенде. Я в лагере врагов, и этим все сказано... Этот дом — настоящая дыра, где мы все как селетки в бочке — такой он маленький, такой неудобный, и когда в моих двух комнатах (в половину размерамоей спальни в Остенде) находятся три человека, мы наступаем друг другу на мозоли; когда же там четверо, мы сидим друг у друга на головах. Потом здесь совершенно нет тишины, так как малейший шум слышен по всему дому. Это всё личные неудобства, однако есть нечто гораздо более важное — огромное количество дел (теософских), так что я должна либо отказаться от работы над "Тайной доктриной", либо оставить теософскую работу. Именно поэтому Ваше присутствие здесь необходимо более чем что-либо другое. Если мы упустим благоприятные возможности, то лучшие к нам никогда не придут. Вы знаете, я полагаю, что Синнеттом и остальными была организована и оформлена Ложя Блаватской.

Она пока состоит из четырнадцати человек. Вы также знаете, что те же люди создали Теософическое издательство, и мы не только начали выпускать теософический журнал, но они также настаивают, что сами будут публиковать "Тайную доктрину". 200 фунтов уже было получено по подписке на "Люцифер", наш новый журнал, и 500 фунтов — на "Тайную доктрину". Это издательство представляет собой общество с ограниченной ответственностью, для которого все бумаги уже подписаны и юридически зарегистрированы. Вот так много уже сделано. У меня проходят регулярные

¹⁵ Непринужденной (франц.).

встречи по четвергам, когда десять или одиннадцать человек набиваются в мои две комнаты и сидят на моем письменном столе и софе, на которой я сплю. Я сплю на моей вюрцбургской софе, так как здесь нет места для кровати. У Вас, если Вы приедете, будет комната наверху».

Далее она писала мне, что в их последние планы входило найти дом в Лондоне, расходы на который разделят оба Кийтли, и она надеялась, что я соглашусь с этим планом, так как считала, что иметь теософскую штаб-квартиру в Лондоне было бы большим преимуществом. Это бы значительно облегчило нашу работу и побудило других приезжать к нам более охотно. Написав ей о своей готовности следовать предложенной схеме и сказав, что мы увидимся в Лондоне, я получила следующие строки, написанные ею из Мэйкота:

«Бесполезно и говорить, как я рада и какое облегчение я чувствую в связи с Вашим приездом. Конечно приезжайте, и сразу сюда хоть на несколько часов, если Вы не хотите ночевать здесь. Дом на Лэнсдаун Роуд обставлен мебелью. Я переезжаю с книгами и всем остальным. Я выбрала для Вас две комнаты, которые, думаю, Вам понравятся, но только приезжайте и не откладывайте, ради всего святого. Ваша навеки, Е.П.Б.»

Это последнее письмо, из которого я цитирую, и это почти конец моей истории, так как в Лондоне были оба Кийтли, которые работали над «Тайной доктриной» с Е.П.Б. С усердием, достойным похвалы, они переписали всю рукопись «Тайной доктрины» на печатной машинке, и далее я предоставляю им возможность рассказать, как Е.П.Б. писала «Тайную доктрину». Только добавлю еще несколько строк.

Я прибыла в Лондон в сентябре 1887 года и направилась сразу в Норвуд; там я нашла Е.П.Б. в крошечном коттедже с двумя Кийтли, и после теплой встречи она с нетерпением рассказала мне, как мы начнем работу в Теософическом Обществе в более практичном, чем до сих пор, русле. Мы много и подолгу обсуждали, как сделать, чтобы в Лондоне лучше узнали о теософии, а также строили различные планы.

Однажды утром, через три дня, проведенных в планировании, организации и упаковке вещей, мы сели в экипаж и отправились в Лондон, на Лэнсдаун Роуд, 17. Там оба Кийтли были поглощены работой, чтобы сделать дом комфортабельным для Е.П.Б. Я могу лишь восхищаться, что я с тех пор делаю, той чуткой преданностью и постоянной заботой о ее комфорте, даже в мелких деталях, которые демонстрировали эти два молодых человека. Они во

всех отношениях содействовали ее благополучию, пытаясь всеми возможными способами облегчить условия ее труда по написанию «Тайной доктрины».

Комнаты Е. П. Б. были на первом этаже — маленькая спальня, которая вела в большой кабинет, где мебель была расставлена так, чтобы она могла без труда достать книги и бумаги; и эта же комната вела в столовую, так что у нее было достаточно места, если бы она захотела немного пройтись.

Именно здесь несколько месяцев спустя полковник Олкотт встретился с ней и описал свои впечатления для индийских читателей.

Приведем здесь отрывок¹⁶:

«Президент нашел мадам Блаватскую нездоровой, но работающей с упорной и отчаянной энергией. Лечащий врач рассказал ему, что с точки зрения всех профессиональных канонов даже тот факт, что она еще жива, был чудом сам по себе. Системы ее организма настолько дезорганизованы осложнениями после серьезнейших болезней, что совершенно удивительно, как она продолжает борьбу; любой другой уже давно должен был бы умереть. Микроскоп обнаружил огромное количество кристаллов мочевой кислоты в ее крови, и врачи говорят, что один жаркий месяц в Индии, вероятно, погубил бы ее. Тем не менее она не только живет, но с утра и до вечера работает за своим столом, готовя копии и корректуры "Тайной доктрины" и ее лондонского журнала "Люцифер"». Когда полковник Олкотт приехал, два тома ее грандиозного труда, по триста страниц каждый, были уже напечатаны, и оба тома появятся, вероятно, в этом месяце. Услышав мнение компетентных критиков, которые прочли рукопись, президент был убежден, что по своим достоинствам и значению "Тайная доктрина" превзойдет даже "Разоблаченную Изиду"»:

«Мадам Блаватская проживает на Лэнсдаун Роуд, 17, Холланд парк, с тремя друзьями-теософами, среди которых ее преданный страж и утешительница графиня Вахтмайстер из Швеции, которая последние три года заботилась о ней во время ее тяжелой болезни. Дом довольно мил, находится в тихом месте, задняя часть дома выходит на маленький частный парк или огражденную территорию, общую для всех домов, окружающих ее. Комнаты мадам Блаватской расположены на первом этаже, ей очень трудно спускаться или подниматься по ступенькам. Ее стол стоит напротив большого окна, из которого открывается вид на зеленую траву и густые деревья Холланд парка;

¹⁶ Приложение к журналу «Теософист» за октябрь 1888 г.

слева и справа от стола расположены книжные полки со справочной литературой; и повсюду в комнате стоят ее индийские сувениры — бронза из Бенареса, циновки из Паллакада, ковры из Адони, деревянные блюда из Морадабада, кашмирские тарелки, сингальские образы — все они были хорошо знакомы посетителям Адьяра былых времен. Что касается ее возвращения в Индию — это вопрос сугубо медицинский. В высшей степени сомнительно, что она сможет выдержать такое путешествие; и, конечно, ее необходимо будет поднять и спустить с судна на подъемном устройстве так же, как и три года назад, когда она плыла из Мадраса в Европу. Разумеется, пока ее книга находится в печати, она и на две недели не могла бы покинуть Лондон, даже если бы она и смогла найти редактора для "Люцифера". Позже это препятствие будет устранено, и останется только вопрос ее здоровья. Вокруг нее в Лондоне собралось несколько преданных теософов, которые, помимо того, что внесли 1500 фунтов стерлингов на издание "Тайной доктрины" и "Люцифера", еще и создали Теософическое издательство, чтобы выпускать по доступным ценам репринты статей из журналов "Теософист", "Люцифер" и "Путь", а также полезные брошюры самого разнообразного толка. Интерес к теософии растет и углубляется в Европе и еще более в Америке, так как мы не только видим, что теософические идеи накладывают отпечаток на современную литературу, но и что теософия побуждает известных ориенталистов нашего времени к дискуссиям. Недавние лекции профессора Макса Мюллера, Монье-Вильямса и других, в которых на нас ссылаются и нас критикуют, а также замечательная статья "Буддизм на Западе" Эмиля Бюрнуфа, которую мы перевели и напечатали в этом номере нашего журнала, являются прекрасной иллюстрацией этому. В сущности, сейчас существуют три теософических центра, откуда такого рода воздействие распространяется на современные умы — Мадрас, Лондон и Нью-Йорк. И сколько бы ревностные друзья ни оплакивали отсутствие мадам Блаватской в Адьяре, не может быть сомнения, что ее присутствие в Лондоне и теософская близость преданным друзьям в Америке приносят пользу движению в целом».

В следующем году в июльском выпуске «Теософиста» появилась другая статья, которая тоже может быть интересна читателям:

«Мадам Блаватская продолжает по-прежнему непрестанно работать, что, учитывая ее физически тяжелое состояние, делает не только ее работу, но и всю ее жизнь поистине удивительной. Я могу сказать как врач, и не просто с позиции моего собственного опыта, но как достоверный факт, о котором знают многие практикующие врачи Лондона, что никогда ранее не было

известно случая, чтобы пациент прожил хотя бы одну неделю с такой почечной болезнью, с которой она живет уже многие месяцы. В последнее время ее состояние было немного облегчено действием стрихнина, который она получает немногим более шести гранов¹⁷ в день. Очень часто у нее бывают приступы кровоизлияния в мозг, но она преодолевает их без помощи какого-либо известного медицине лечения и продолжает работать, имея твердое убеждение, что ее жизнь не закончится до тех пор, пока необходимая работа не будет полностью выполнена. И в этой работе она неутомима. Ее ежедневные рабочие часы — с 6.30 утра до 7.30 вечера с небольшим перерывом на несколько минут для легкой пищи незадолго до того, как солнце достигнет зенита. В течение этих часов она уделяет много времени подготовке инструкций для Эзотерической Секции, обнаруживая то количество знаний, которое ей разрешено передать, и члены секции способны воспринять. Кроме того, на нее полностью возложен редакторский труд по изданию журнала "Люцифер". И она также редактирует новый французский ежемесячный теософический журнал "La Revue Theosophique", который публикует графиня д'Адемар, являющаяся, между прочим, по рождению гражданкой Америки. Ее журнал публикует сейчас серию блестящих статей Амаравеллы и французский перевод "Тайной доктрины" мадам Блаватской.

Рукопись третьего тома "Тайной доктрины" подготовлена к печати. Он будет состоять, главным образом, из серии очерков о величайших оккультистах всех времен и будет являть собой наиболее удивительный и увлекательный труд. Четвертый том, который будет большей частью предлагать советы по практическому оккультизму, уже намечен в общих чертах, но еще не написан. Он продемонстрирует, что из себя представляет оккультизм на самом деле, и покажет, как известные оккультные понятия оказались оскорблены и унижены злостными искателями его тайн, которые из-за жадности, корысти или других низменных целей фальшиво утверждали, что обладают тайным знанием. Эти разоблачения неизбежно повлекут за собой рассмотрение их как исторических фактов, с точки зрения современности, так что этот труд не будет написан до тех пор, пока мы не будем готовы обнародовать его.

По вечерам с 7 до 11, а иногда и до 2 часов ночи, мадам Блаватская принимает посетителей, которых у нее предостаточно. Конечно, многие из них ее друзья, другие — серьезные исследователи, но многие движимы просто чувством любопытства увидеть женщину, которая является выдающейся мировой личностью нашего времени. Всем оказывают теплый

¹⁷ Меравеса = 0,065 г.

прием, и она в равной степени готова побеседовать со всеми на любую из выбранных ими тем.

Мистер Г. Дж. Романс, действительный член Королевского Общества, пришел обсудить эволюционную теорию, изложенную в "Тайной доктрине"; мистер У. Т. Стэд, редактор газеты "Пэл-Мэл", большой поклонник "Тайной доктрины", считает, что многое в ней еще требует дальнейшего толкования; лорд Кроуфорд, граф Кроуфорди Балкаресс, еще один член К.О. — глубоко интересующийся оккультизмом и космогонией, ученик лорда Литтона, обучавшийся вместе с ним в Египте, пришел, чтобы поговорить о интересующих его вопросах; миссис Безант, которая стала известна благодаря сотрудничеству с Обществом национальных реформ, заходила, чтобы рассказать о своем интересе к теософии как силе, способной воздействовать на общественную жизнь человечества; мистер Сидни Уитманн, широко известный своей резкой критикой английского ханжества, делился своими идеями и обменивался мыслями о теософской этике, — так шел поток посетителей.

А. К.»

Возвращаясь к своему рассказу. Мы едва успели вселиться в дом, как люди стали приходить к Е.П.Б. Число посетителей росло очень быстро, и они ее постоянно отрывали ее от работы, так что было предложено сделать для нее приемный день. Выбрали субботу, и с 2 часов дня до 11 или 12 часов ночи шла чередой посетителей, и вокруг Е.П.Б. часто собиралась группа людей с вопросами, на которые она отвечала с неизменным терпением. В течение всего этого времени продолжалась работа над «Тайной доктриной», пока, наконец, ее не передали в руки издателей. Потом началась работа по корректированию, изменению, исправлению, оказавшаяся на деле очень тяжелым трудом. Я с радостью в сердце наблюдала за всем этим, и когда напечатанный экземпляр попал в мои руки, я была рада ощутить, что все эти часы боли, напряженного труда и страдания не прошли даром, и что Е.П.Б. смогла завершить свой труд и принести миру эту грандиозную книгу, которая, как она сказала мне, должна будет подождать следующего столетия, чтобы ее оценили по достоинству, и которую теперь будут изучать совсем немногие.

В тот день Е.П.Б. была счастлива. Это был единственный проблеск солнца среди невежества и мрака ее жизни, так как тучи уже собирались

вокруг, и вскоре ей предстояло пройти через одно из самых ужасных испытаний ее жизни.

Но «Тайная доктрина» завершена, и моя работа закончена. Позвольте мне только выразить дань благодарности и любви другу и учителю, кто сделал для меня больше, чем кто-либо другой в этом мире, который показал мне истину, и который указал мне способ испытать и победить самого себя, со всеми своими мелкими слабостями, и жить более возвышенно для добра и пользы другим. «Душа твоя должна стать спелому плоду манго подобна: к чужим страданиям быть сладостной и нежною, как мякоть светлая и золотистая его; но твердой, как его зерно, она должна быть к собственным печалям и скорбям...» «Сострадание речет: "Возможно ли блаженство для тебя, когда все, что живет, обречено страданию? Согласен ты спасенным быть и слышать мира стон?"»¹⁸ Эти наставления были даны Е.П.Б. своим ученикам для усвоения и следования им, это — этические нормы, которые ее жизнь в постоянном самоотвержении ради блага других, зажгла горящим огнем в сердцах тех, кто верил в нее.

¹⁸ Цитируется по «Свет на Пути. Голос Безмолвия»/ Пер с англ. — Рига: Виеда, 1991.